

История пьес. Литературы XVIII века.

гандной нечестностью, и при этом всегда даешь положительный возбудитель, но и Клоппшток порицает за его религиозный обман, в котором по его мнению, поэты высказали даже много глупства, что критик уже равно ничего не глупее, чем похвалить прозу прозу мурманна „Nordischer Märscher“ (Северный марш), который выводит из круга Клоппштока в Копенгаген, и утверждает, что никто не может быть религией без чуждым человеком. Но после этого, как Лессинг удовлетворил своему перу, тому порыву и догнул первого устала, он вскоре устранился и предостерегал предприятие своим друзьям Менделсону и Николаю, к которым присоединился Томас Аббт (Thomas Abbt, 1723+1766), молодой шваб по происхождению (из Ульма), боодушевленный пруссаки по мнению, который получил образование в Галле и, будучи профессором в Франкфурте-на-Одере, писал с бурным энтузиазмом к Фридриху и его генералам, „Vom Fortschritt Antiklond“ (О старости за море, Берлин 1761 г.), „Vom Antiklond“ (О заслу, гт, Берлин 1765 г.) и др. Литературный миф продолжался до 1765 года.

Уже с конца 1760 года Лессинг был в Бреслави секретарем генерала Шауэнца, но при этом продолжал вазаные литературные труды, да, говорил два из своих самых величайших произведений, которые издали в связи в 1766 и 1767 годах, во время зрелого пребывания в Берлине:

„Лаокоон“ и „Минна фронь-Барнхельми“. Это два разнородных, но почти в одинаковой степени грандиозных и „дидалогичных“ эпосу произведений. Какъ въ первомъ выражается стремление къ грекамъ, такъ во второмъ — къ „опальное направление“. Въ до время какъ „Лаокоонъ“ шелъ по пути любви ^{къ} древности и къ бокаго интереса къ восточности задавала духа человеческого, создавъ въ связи со всеобщимъ европейскимъ образованиемъ, „Минна фронь-Барнхельми“ шелъ по пути любви къ родному и современной ему действительности и она коренилась въ самомъ непосредственномъ интересе къ тому, како народа и обозначаетъ высшимъ пунктомъ влѣдъ, нѣд Семилетней войны на немецкую нидерландскую литературу. „Лаокоонъ“ или о границахъ символизма и поэзии — разсуждение, а „Минна фронь-Барнхельми“ — комедия.

Д) „Минна von Barnhelm oder das Falsche Tugendstück. Ein Lustspiel in fünf Aufzügen“ (1763 г.) была первой оперою по национальной драмѣ изъ настоящей действительности, поэзии, и прусскимъ солдатамъ, котораго Гейне въвелъ въ мирную, возмущивъ въ ней со славою на сцену комедии. Дидалогичность происходила въ Берлине и рождалась послѣ войны; действительная жизнь не была больше надлежной греческимъ или английскимъ или римскимъ. Это были уже не маски, а живые, болѣе всего члѣсто индивидуальное развитые характеры, замечательные изъ того времени, изъ сердца абзора, изъ его среды. Содержание: Прусский майоръ фронь-

Шамбургелью, во время Семилетней войны, влился
 в саксонскую службу, Минну. По заключении
 мира, он подвергся в обвинению в том, что
 его подкупили саксонские власти, тогда как, на
 прощание, он уплатил из своего кармана козурю,
 буживо, козурю он был не в сообразии воеводу.
 Оскорбленный в своей чести, он не рывающа
 жемчуга на Минну, не желая Сопларе е участу,
 ницего своего ждмелого положенія, прерывающа
 съ него всего сношенія и шибехъ, скрывает онъ
 брата, на свое поповинное малованье, въ скромн,
 ной берлинской гезундцотъ, съ своимъ слугою Ю.
 ежомъ, чезнотомъ, но грубымъ малымъ. Тамъ на,
 хотишь его, бившии поди его началсехваломъ, вайммеръ
 Вернеръ, сугубоушии мирного шизитомъ и содирато,
 шийся оуправившя на слуги въ Персею. Продавъ
 передъ оубаждомъ свой кресованскій земельнай
 урасокъ, вайммеръ не шудидаетъ въ деобгаи
 и предлагающъ иль своему жарому командирю,
 но майору отказываетъ. Въ то же время вдова офи,
 цера, котораго онъ одинакомъ судилъ значительного
 сумого, прикосишь ему долговъ мужа, но, видя ея
 нужди и бодности, майоръ отказываетъ и отъ своего
 долга. Между темъ, собственное его положение
 длааетъ все ждмелое. Плущъ трактиришникъ не
 хощетъ больше вкратишь ему въ долговъ - и майоръ за,
 кладываетъ ему свое обручальное кольцо. Передъ
 жтомъ, въ Берлинъ приотомаетъ его невеста, оубежи,
 вая своего жениха, и оураививаетъ въ томъ же
 трактирѣ, гдѣ онъ шибехъ. Она узнаетъ отъ тракт.

зирцка о посылномъ положеніи майора, вѣску,
наерь польцо и, стараясь сойтисъ съ гордыми же,
ниломъ, подбужаетъ своего дитруко слушанку Фран-
циску уговоритъ его, что дядя мшаеръ ее насмѣдева
за то, что она не пересажаетъ любви майора. Но,
да Шеллгеймъ соглашается жениться на микитѣ.
Козаги приходятъ судебный приговоръ, воззаконивъ,
козій вполнѣ черъ майора, и собсрвенное писъ,
но къ нему короля. Дядя микиты, закше притъ,
лавинъ въ Берлинъ, даетъ свое согласіе на бракъ,
все узраиваетъ къ общему удоволсрвію, и даше
вайтмезръ Вернеръ не утѣкаетъ въ Персею, а
женится на Францискѣ.

"Микитъ Фромъ-Барнгеймъ" — идеаль националь,
ной драмы. Прусскій майоръ Шеллгеймъ, озравлен-
ной, ободновинъ, боровшійся за право и за георъ,
— великодущный, благородный, презирно дели,
карный человекъ; его солдацкая среда, вайтмезръ
Тавинъ Вернеръ, слуга Досъ, козорьны оны соод-
щны почти нр своего благородного характера;
вдова одного зоварица, для козорой оны передъ
нашими глазами сзаконивъя благодозеленъ; его
невосра микитъ, козорой оны не считааетъ себя болъ,
те дозоймилъ и козорей должна его снова
завоеватъ прозивъя него самого; я горничная
Франциска, неправленое изданіе златъ Ингеръ,
козорьны позръ въ пресинитъ комедивитъ по фран-
цузскому примѣру поивзовалъ какъ микитмезъ,
каки: все торьдогновъ и дозоймилъ немецкій мѣ-
ца; почитаніе немецкитъ женитовъ; прославленіе

(немецкой) армии, среди которой автор просидел
четыре года; прославление великого короля, — оно
является на взором пламя и упрямство право-
судия, которое возвращает майору потерянное
име губернатору союзенного госпитальера, возматов.
идеть его парижскому гезе и все приводить к
хорошему концу. И чтобы не было недоедания
в конюшене, чтобы нашло свое удовлетворение
и оскорбленное национальное губернатор, радостно с
честными немцами является французский прои-
дола, который играет самую дурную роль и уве-
селяет публику ложными и немецкими лже-
кошми. Все изложено очень удачно, гасило в себе,
мысль, гасило зрительными сценами, и все была
исключительна пунктом зрелища многочисленности
солдатских масс, который окончательное изгаска-
ли новую моду и вскоре сдвинулись не менее скучны,
такие клики „бардов“ в мирное время. Но зато или
также, „Финка фр. Барселонне“ — первая в новой нем-
цкой литературе вполне национальная и совре-
менная пьеса не только потому, что действие проис-
ходит по африке в Германии и в современную
поэму эпоху, а потому, что при таких условиях
опыты поэмы происходят. Она вся проникнута
(глаголом немецкого) особенностью: добродушием (Гиттер,
Низука), которое не переходит, однако, в пошлую са-
диментальность. На пошлость этого добродушия в ней раз-
рывается приключением вранда саксонцев с прус-
саками, дворняжка с народом, которая в другом
шведском разрышилась потоками крови; пьеса пред-

свидетель аподеозу немецкой сценичности и итальян-
каго солдата, или вторично, саксонки и пруссака;
но насколько пошлы и узконациональны все по-
добной аподеозе у другихъ даже въ наше время,
когда техника искусства жьзнь далеко ушла впе-
редъ и когда поэты возмущаются на срамскія
прекрасныя образцы, наэтомъ у Лессинга она
глубокомысленна и исполнена широкой гуман-
ности. Она посвящено прославлению Фридриха Ве-
ликаго, но насколько подобны эпизоды у другихъ
искусств или наивно возгорелы, наэтомъ же
у Лессинга это прославление разумно и исполне-
но достоинствомъ. Это вполне патристическая пьеса,
но все другая патристическая пьеса, когда прайдеръ
внезапное, или вызвавшее, оказывается ниже
всякой критики, а пьеса Лессинга, больше крити-
ка, только драматурга, поэта по-новому, какъ они
самы признавали себя, переживающаго солдаты. Мин-
на Ф. Барнсельна или солдатыское счастье имела
большой успехъ и слагается теперь еще идеальной
национальной драмы. Художественное развитие ея
— почти безупречно, изображение-образцово, действие
(за исключеніемъ зрельнаго действія) — живо продолжна,
ощущая, характеры острены превосходно и полны
удивительной энергии, діалоги — естественны, думы
— сообразительны характерамъ и ситуациямъ.

2) Laokoön oder die Insel der Götter im Jahr 1766 mit
Friedrich. Mit einer Vorrede von Friedrich Schlegel
für den ersten Band der Ausgabe. Leipzig, 1766. Это сочиненіе
было разбито на три части, изъ которыхъ по-

Явилась зольско ода, а другая вошла лишь в не-
 свѣдѣнныя оцѣнки. Однако и въ этомъ несовер-
 шенствѣ видѣть это сочиненіе — великолѣпный ма-
 естерскій трудъ, неизгладимо повліявшій на дальнѣе
 развитіе, поэтому что оно удержало преданія воз-
 зрѣнія на поэзію и ввелъ въисполнѣннѣ новое
 (воззрѣніе), оказавшееся очень плодотворнымъ. Первое
 сочиненіе Виккельманна (о королѣвѣ рече будеще
 впоследствии) во оседѣннѣеи побудило Лессинга къ
 изрѣченію авторскаго искусства, а необходимость не-
 разорва существовавшей эстетикѣ побудила къ блаженны
 посылкѣмъ изрѣченій, Лакоота: Раздѣленія
 взгляды Брейдингера, Виккельманна о искусствѣ со-
 держанія оцѣннѣеи маестрскія искусства съ по-
 эзіей. А сдѣлано несомнѣнныи, — говорить отъ еще
 въ первомъ своемъ произведеніи, — что символъ и,
 маестрскъ эстетъ еще обширнѣе границы, какъ и поэзія,
 и это сдѣлало. Сдѣлано символнѣеи закъне маестрскъ сдѣлано,
 какъ за поэзію, какъ и маестрскарь? Высшнѣи про-
 явленіемъ, какъ того, какъ и другаго искусства, отъ
 сдѣлано аллегорію. Какъ то, какъ и другаго положеніе
 были не символически Лессингу. Этобы раздѣленнѣ
 различіе между поэзіей и искусствомъ маестрскски,
 ли, опредѣленнѣи шѣ взаимныи границы, Лессинга
 издаеи какъ разъ въ 1766г. свои трудъ, Лакоотнѣ
 или о границахъ символнѣи и поэзіи? Въ этомъ со-
 чиненіи Лессинга оспариваеи икънеи положеніе
 Брейдингера, до рѣчи поръ воодѣеи приидеи, что по-
 эзія — говорящая символнѣи (сдѣлано Шлауаи), а симво-
 лнѣи — говорящая поэзія (сдѣлано Фрауи), положеніе, про-

изводившее в поэзии образы к описанию, а в живописи аллегория. «Если справедливо, — говорит он в XVI-ой главе своей монографии, — что шум, восторг, подражная природа, унозредливые и иные сред, едва или знаки, тьма поэзия (а именно: живопись фигуры и краски, следующие друг за другом в пространстве, а поэзия — темпоральность звуков, следующие друг за другом во времени), и если несомненно, что знаки должны сходь в выс, кой связи с жьнь, то иль означено, — то необходимо, чтобы знаки, следующие рядовь, означали и предметы, следующие рядовь, или иль насци, а знаки, следующие одноь поелю другого, означали предметы, следующие одноь поелю другого, или иль насци, накладывающь вь законь сие другь кь другу отношени: — и живопись, и поэзия подражна, юзь природь; но первая изображаеть предметы, вь иль известной поелювазельности, а вторая — даиствий, вь иль поелювазельности по времени. Поэзия не ограничивающь, какь живопись (и вообще образовательный искусство), изображениемь красок, ей открывающь подражани все неизмеримое царство природь; она должна изобразить не только прекрасное и доброе, но и гадкое, сиверное (некрасивое, безобразное), да, даше ужасное и оубражательное, что не прикладуея образовательному искусству. Живопись описва, ехь, для чего она и иль вь вьхь нумной средь, а поэзия рассказываеть. Если одноь художникомь взораеть вь область другого, происходуь иль поелю, она очевидна для вьхь, если живопись заво».

через рассказавшего (т.е. во одной картинке событийности
разные моменты); Лессинга дала его ее сроду же не,
видной и во прокубоположимому слугам; отъ им,
могущимъ свое положение и доказательство маж
Сои приключенья; въ особенноеи убедительной его свел,
ки на оуба поэзи, Томера, коздоръ не описываетъ
скиндря, а рассказываетъ его историто, не описываетъ
одежды и вооруженія Аламантона, а рассказываетъ,
какъ добавляетъ отъ, не описываетъ красота влены,
а рассказываетъ, какое могуще дѣйствіе произвела
красота ея на сурцева Шроджскаго; для сравне-
ній съ Томеромъ она приводитъ описание красота
влены изъ поэмы бездарнаго византійскаго судо-
плета, где мы находимъ массу широкотыразель,
малыя слова, а въ содержаніи мѣлкоты и пре-
увеличенія или паспорной приключенья; и прики-
на Эгого заключаеся не въ бездарности поэта:
Арисеорова описание красота Алогины возбуди,
даеъ удивленіе къ искусству автора, но внезапно-
ноид не производяъ ровно никакого.

Спеціальная часть Лессинговой монографіи раз-
бираеъ извѣстную группу Лаокоона и ея отношеніе
къ различнымъ пониманіямъ античнаго міра и его высо-
кой художественной культуры, что справедливо, по-
видимому, приписывать виднѣю Лессинга и Вик-
кельмана подвѣтъ классицизма въ северной и
средней Германіи: въ Пруссіи Фромъ-Зейдлицъ, за-
ведовавшій просвѣщеніемъ съ 1771 г., удвоилъ и
устроилъ въ гимназіи число уроковъ греческаго
языка и предписалъ гизаръ классиковъ въ число

нового завоюва. Воже кожда заканчиваеся Богослов-
скій періодъ нѣмецкаго военизма и начинаеся
новый, гуманно-натурально-научный.

На уже знаемо, что Лессингъ ввелъ націю,
наибольше и современное содержание въ драму
„Минны фронь-Барнгеймъ“. Но недооценокно было
для осмысленія нѣмецкой поэзіи, практически
ввести въ поэзію критику: необходимо было раз-
ше теоретически раздѣлить предразсудки, сбившіе
съ толку поэтовъ, и создать новую теорію поэзіи.
Эту задачу Лессингъ свормъ „Лаокоонъ“.
Дѣйствіе, произведенное этой книгою на развизіе
нѣмецкой литературы, было даже не велико, какъ
дѣйствіе „Литературныхъ Тисель“ и „Минны фронь-
Барнгеймъ“. Тѣе и поэты Шиллеръ военизались
по этой теоріи. Воже что говоритъ объ этой самой
Тѣе: „Надо было поощрять, чтобы вообразить себѣ,
какое дѣйствіе оказало на насъ Лессинговъ Ла-
окоонъ. Онъ поднялъ насъ изъ стѣнной сферы въ выш-
нннн озерзаніи въ свободную область мысли.
Разомъ было извергнуто показанное помянутое
о томъ, что поэзія должна подразмаръ живописи.
Мы были озарены, какъ молніею; мы озбресли
всѣ презинія помянутой, какъ вѣтрено рѣхлѣдъ;
намы казалось, что мы спасены генеръ оже вѣд-
каго зла? После „Литературныхъ Тисель“ Лессинговъ
начало слугаеся первымъ кризисомъ Германіи;
после „Минны фронь-Барнгеймъ“ — она была при-
знаема знаменитѣйшимъ изъ поэтовъ, а после
„Лаокоона“ утвердилася его репуація, какъ великаго

мыслителя и великого ученого. X

„Hamburgische Dramaturgie“ (Гамбургская драматургия 1767—1768 г.). В Гамбурге, в городе прекраснейшей немецкой оперы, на родине Брокеса и Тагедорна и в местопребывании своем многие суровых и повел, лишь поэты, должны были основаться на газетной средева производной немецкий национальный театр. Драматургическое искусство значительно поднялось со времени написания Каролины Нейдере, Тожмедовой и анди-Тожмедовой пьесы. Трудные Шёнелмана, Коха, Аккермана сделались знаменитыми, и эти лучшие немецкие начали, охмеляясь от подразделения французского, сформировались в простую и естественную форму. Конрад Эккерманс считался первым немецким актером; издалась, с самыми высокими похвалами называли Фридриху Тензель; и эти двое, кроме того Аккерманс и его дочери, госпожа Левенго, урожденная Шёнелманн, вместе с другими хорошими силами были в чуждании нового предприятия; особенно, убедительный, что драма есть завершение искусства, а театр — лучшая школа для взрослых и лучшее орудие для пробуждения здравых и свободных идей, должны были устремлять в журнальном орудии, образовывать актеров похвалой и порицанием и воспитывать суждения публики. В первом разе вышла в свет два раза в неделю его „Hamburgische Dramaturgie“, газета, которую писал он один и которая была исключительно посвящена интересам национального театра. На первое время все шло хорошо. Но скоро оказалось, что программа журнала

должна видоизменяться: актеры и актрисы, какъ всегда, хотѣли, чтобы ихъ не бранили, а хоть бы свалили, они обиделись, получая порицаніе и замечанія отъ своего же кружка: Лессингу пришло въ голову ограничиться почти исключительно разборомъ пьесъ. Газетная публика не показывала никакого особеннаго участія, предпріятіе въ это время оказалось не прочнымъ, и книжечное обихажество — мало для него подготовляемо; публика скоро утомилась серьезными пьесами, и когда въ Тамбурга пріѣхала французская группа, добавившая къ себѣ лекціи, театръ началъ пустовать все больше и больше; матеріальный средствъ скоро исзоцмился; уже не, развѣ два года предпріятіе было оставлено. Лессингъ, въ началѣ дѣйствительно бывшій хроникеромъ и кружковомъ Тамбургскаго театра, перешелъ править, но слѣдуетъ за представленіями, и его журналъ обратился въ кружковское изслѣдованіе сущности драмы и сравнительный анализъ ея образцовъ; „Драматургія“ ввела общій объѣмъ неистерна, единаго содержанія, богатая свѣдѣніями о театрахъ, келье репертуаръ, богатая фонтанки замечанія, ли о драматургическомъ искусствѣ и драматургической поэзіи, — это было продолженіе рѣчь стариннаго театральнаго журналовъ, которые Лессингъ издавалъ въ молодости, продолженіе его полемически прозивъ слабѣе споромъ французовъ и продолженіе его „Лакооона“.

„Тамбургская драматургія“ должна была именно закончиться прославленіемъ драмы и обдѣлать

определение, изъ котораго должно было следовать все
общее; и ему казалось, что въ определенномъ гра-
дусѣ у Аристоцелла, какъ гора ее почитали, она
имеетъ извѣстное существо драмы. Она находила,
что драмы Софокла вполне согласуются съ этимъ
определеніемъ, но она находила, что съ этимъ опре-
дѣленіемъ вполне согласуются и драмы Шекспира,
— съ законъ вторичности она шла отъ высшей
видимости къ самому существу, какъ послѣдователь,
но она удивлялась свѣдѣ въ естественности
акматичности, какъ рѣшительно она убѣдилъ уза-
вать генія. Трагическое, въ которомъ Софокла и
Шекспира одинаковы, казалось ему извѣстно, а
смыслъ, возбуждающій не удивленіе, какъ у фран-
цузовъ, а сочувствіе, какъ у Софокла и Шекспира,
потому что оно выводитъ позрѣвшаго содѣйствіе
съ угрозою необходимости изъ природы дѣйствующей
лицъ людей. Итакъ, это трагическое не можетъ быть
навязано дѣйствующимъ лицамъ по волю поэта,
а должно по необходимости вытекать изъ характеровъ
и положеній ихъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія,
она криковала президія сочиненія Кэмпера,
и трагедію его стараго друга Рейесе приняла
при этомъ не лучше, чѣмъ комедію господина
Томаса. Исходя отсюда, она высунула прозу въ
фальшиваго трагизма у Корнеля, Расина и Вольтъ.
Зера, прозу логичнаго пониманія и произво-
днаго некачественнаго ученія Аристоцелла у французовъ,
прозу неадекватнаго показанія Волтера соперничая
съ Шекспиромъ, когда она выводила дѣлова, изобрѣ-

жаль любви или ревности: Корд Вольтерр получил
 самые злые его удары, но он сходил здесь про-
 зивь шивого человека, прозивь личного врага, ко-
 зорый много повредилъ ему, и при этомъ онъ ко-
 венно велелъ Фридриху Великому за немецкую
 литературу, ограничивать славу писателя, козорого
 великий король еливалъ за величайшаго поэта. Но
 если въ этой борьбе еще сзодвалося въ то же вре-
 мя нечто изъ национальнаго возбужденія Сими,
 козрей войны, если одновъ и тогъ же писатель
 не случайно преследовалъ здесь всемерно знаме-
 нитого Вольтерра по всемъ закоулкамъ его софры,
 срики и зисеславий, то Лессингъ все-таки не былъ
 французодолю. Какъ прежде Дидро укротилъ его
 въ его первой оппозици прозивь французской сце-
 ны, какъ у него нагилелъ онъ охранителъ границы
 искусства, какъ онъ сходилелъ съ Дидро въ наклон,
 козри въ итальянскую трагедию, переводилъ зезаръ
 Дидро и съ благодарностью признавалъ видение,
 козоро шиталъ на него столько философи, такъ
 и теперь Лессингъ не преминувъ радоваться этому
 согласию и такелъ образомъ показавъ, что онъ
 нападалъ не на французскую нацию и не на фран-
 цузское искусство, а только на французскія шиде-
 ки и илъ бредное видение. Лессингъ воздвигъ
 только прозивь исключительности французской те-
 ории драмы (предсказывалелъ едъ онъ выдиралелъ илъ,
 по елу англичанина Вольтерра) и разбивалелъ эту
 теорию на всемъ пыткахъ. Онъ вполне убедилъ,
 зелько доказывалелъ, что эта теория слаба прежде всего

и сигналами къ великой литературной реформѣ. Если можно приурочитъ къ какому нибудь году на-
дѣею лознаго классицизма, то только къ тому,
когда выходили ея листки, а послѣдній про-
талбный номеръ „Драматургии“ вышелъ 19 апреля
1768 г.

„Вѣсте antiquarischen Inhalts“ (Тиселна антиквар-
наго содержания). — Въ этихъ вопросахъ о томъ,
каковы должны быть немецкій театр и какова
немецкая современная драма, Лессингъ сразу не
решался въ самую глубь археологическихъ изыска-
нй и въ томъ же 1768 г. принимается за „Вѣсте“
Тиселна антикварнаго содержания. Какъ ни далеко
по задачѣ своей и своему „Вѣсте“ Тиселна антиквар-
наго содержания отъ „Тамбургской драматургии“, все-
ду обѣихъ произведеній много общаго, и это об-
щее очень характерно для Лессинга: и тамъ, и здѣсь
изысканіе облечено въ форму гордой полемики, и
эта полемика въ обѣихъ случаяхъ направлена про-
тивъ того, что похвальною незаслуженностью, истре-
блено воздвигнуто авторитетомъ; тогда это были
французскій псевдоклассицизмъ; теперь это была
немецкая „вицциндирная“ наука. Съ неудоволь-
ствиемъ оставилъ Лессингъ свое „Тамбургское драма-
тургии“, съ неудовольствиемъ взялся за брошюры
въ досадно археологическія изысканія и написалъ свои
„Тиселна антикварнаго содержания“ прозивъ нѣкоего
Кристіана-Адольфа Клоца (Klotz), издателя ла-
тинскаго сѣмлера, который рано получилъ хорошее
образованіе, съ величайшею любовью организовалъ книжку,

Клоуза: „Аом Кнѣзи германнае Кнѣа“ („О поубоу
прозвѣи камнеи“, Алтеи. 1768). Ово, правда, называеу
въ ней авзора Лакокова „однимъ изъ лучшмихъ зна.
зокъ искусства, но обвинеу его въ (многимъ)
вопитицихъ промахахъ. Лессинга рѣшилъ при.
идеу за него серьезно, и въ „Писмахъ анцикварна,
го содероанидъ“, а позомъ въ зрактарѣ: „Belin die Welt
im Tod uabildet. Eine Antiquarische“ („Какъ древнѣ пред.
савляли смеру“, 1769 г.) заомъ оудталовъ его, что Клоуза
при всей своей самонадвѣднотеи не мотъ не при.
знау свой авзорицеу подорваннмихъ (онъ умрѣ
въ 1771 г., а родилъ въ 1738 г., стало-бому мнѣ не
долго). Помимо этого, закъ сказаръ, оурицарельнаго
знаменидъ, „Vertrag antiquarischen Inhalts“ мнѣ хотѣ
и положимельное: късколькы важнѣишимъ наукъ,
мнѣ вопросовъ позравленъ закъгазельно вско
и въ до же время глудобо, и мнѣ изъ мнѣ рѣше,
ны съ полнаго удвѣднмихъ боуто. „Писма“ Лессинга
принадлежатъ какъ разъ къ самымъ знаменнѣиш.
мнѣ того времени.

Съ неудовольствиемъ прекразилъ Лессинга 57-ми
мнѣ хотѣ и эту поеленику: ену хотѣлось прогъ
изъ Галлбурга, прогъ изъ Германн и прямо въ Римъ.
Но преиде стамъ это его оеланѣ мотло исполннрѣ,
онъ бвлъ пригласомъ Индвѣзкарель въ Вольфен.
Бюггель. Съ переселеннми Лессинга въ Вольфенбугъ,
земъ, изъ сквизанца онъ преобразилъ въ оладлаго оинъ,
земъ маленькаго городка, въ козоромъ прожнмихъ погъ,
ти оидннцарѣ мотъ, до самой смери. Пригнкой
этой прозкой переломнми въ образѣ оинзи славногъ

тщательна была его записка на 2-ю Кёнига, вдобавь галбурнского неоглядана, одной изъ одъ разоблаченнѣйшихъ знаменитѣльнѣхъ своего времени. Какъ тщательна, Лессинга срава генеръ законъ преимущественно, но Библютекарствѣ. Въ рукописномъ отдѣлкѣ Библютекарствѣ отъ намѣла много интереснаго и много дрѣ, мѣрѣхъ зрѣль съ публикой. Отъ сталалъ именно тѣхъ корольнѣхъ спазрлѣнѣхъ находки въ сокровищницѣ порученной ему Библютекарствѣ; тѣхъ корольнѣхъ хорошихъ неизвѣстныхъ вещей отъ вывелъ на свѣтъ и правильнѣ, но извѣщала ученую публику о своихъ находкахъ. Но внезапный галбурнской Сценѣ не охотились однако взгляда назадъ. Отъ не хотѣлъ безплодно быть въ продолженіе двухъ мѣсяцѣхъ свидѣтельствѣ лучшихъ драматургическѣхъ ценителей, какіе могла предохранить галбурнская Германія. Отъ не хотѣлъ, чтобъ оза, числѣ безплодными тѣхъ новыя важныя шаги впередъ, которыя отъ сталалъ въ познаніи приращивать. Отъ хотѣлъ сталалъ практическую пробу теорій.

Во удовольствіи своихъ друзей, отъ не оставилъ и много литературныхъ заботъ; генеръ при добрыхъ думѣхъ своихъ спокойствіи и при тѣхъ корольнѣхъ одѣхъ, тѣхъ корольнѣхъ отъ много привезти въ исполненіе свои старинныя планы и дасть окончательную отдѣлку давно начатыхъ произведеній. Между ними значительныя были двѣ трагедіи: докторъ Фрауеръ и Дмидъ Талорри.

1) Д-ръ Фрауеръ. Какъ мы уже знаемъ, первое упомянаніе о замыслѣ Фрауера (Faustus junior, magus secundus) относится еще ко времени ранней молодости

Лессинга. У Лессинга были, повидимому, два сочинения, но различные плана Фрауера. Это можно заключить из записки Лессинга, где он говорит о своем взоре Фрауера и из письма книгопродавца Теблера от 3 декабря 1775 г., где он говорит, что Лессинга обрабатывали этого сюжета 2 раза и во второй раз „без великой терзливости“. О Фрауера раньше молодости Лессинга мы уже говорили, оscarривая I и периоды его литературной деятельности. О его взоре Фрауера мы должны теперь немного распространиться. В этой редакции „откровенный злодей Явлера преставлен соблазнами челоука невинного“. В 1755 году Мендессон смирся надъ картинами своего друга передъ нимъ, какъ онъ думаетъ, народную пьесу въ мюссанскую трагедию. Въ 1758 г. Лессинга изъ приглашаетъ Тейма приехать въ Берлинъ смотреть представление его Фрауера, которое онъ беретъ поехать на сцену. Въ пятидесятомъ году въ „литературныхъ писанияхъ“ (Literaturbriefe, 17-ое число, то, отъ 16 февраля 1759 г.), возмущая противъ Тормедовъ школы, онъ нехорошо говоритъ о Фрауера, какъ молодой народной пьесы писатель, — пьесы, связанной генерически съ английской драмой и множеством досройной самого Шекспира, и при этомъ сообщаетъ сцену изъ своего Фрауера, выдавая ее за отрывокъ изъ какого-то старого надроска драмы. Живя въ Тамбурге и работая почти исключительно для театра, Лессинга снова съ большою энергиею принимается за Фрауера, собираетъ материалы и летаетъ вконецъ поспешивъ его на сцену. Во „Тамбургская драматургия“

озвлекала его отъ этой работы, и скоро отъ романъ,
 желая покинуть ее; когда въ 1769 и 1770 гг. друзья
 спрашивали его о Францѣ, онъ отзывался такъ, а
 позднее узнавъ о Францѣ Тѣре, онъ съкричалъ надъ
 своими пошлѣйшими романше резиденцїи произве-
 денїемъ: „моего Франца горько видѣть!“

Безъ Лессинга и оставилъ Франца Веллдезвїе
 сознавая, что его зворескїя снвы для этого не при-
 годны или Веллдезвїе того, что онъ похердилъ все,
 кїиъ всуе къ францаезкїиъ и зираническїиъ порн-
 ваннъ духа челоовческаго, во всякоиъ случаѣ зо
 немногое, что мы знаемъ о его Францѣ, доказы-
 ваеъ, какъ глубоко и оригинально, хотъ въ то
 же время характерно для всей эпохи, понять
 отъ эту жему: его Францъ (также какъ и Францъ
 Тѣре) въ концы концовъ долженъ быть спасенъ,
 и адъ долженъ признаеъ себя подосиденноиъ: въ
 XVIII вѣкѣ знаида знаида не можеть быть вѣко-
 неа въ пресудленїе. Однѣ изъ важнѣиъ персонъ
 сей Франца - покупецъ, намель ввеллдезвїиъ
 себѣ художесзвенное выраженїе въ лице Мари-
 келли въ драмѣ затеръ слѣдующей драмѣ, Эмилиа
 Талорри.

2) Emilia Galotti. Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen.
 (1772 г.). Лессинга не помнъ удовлетворитъ въ Волъ,
 френбозрелью жария книги и рукописи. Любова къ
 поэзи проснулаеъ въ немъ, и, закннъ одразомъ, двн-
 ласъ въ 1772 г. новад его зрагедїа, Эмилиа Талорри,
 паса, козоручо онъ задучалъ давно, козорачъ раньше
 была „Виргинїей“ и, какъ другїа зрагедїи, козорачъ

она набрасывала въ топомекомъ пилу, долгима
 была прославить революцію, подвиги за свободу,
 но позвольте орталитимеся оръ связи съ государством.
 книги писали и перенесенная въ маленкое
 новыишее италънское княжество, развернула
 зорько цурашлонскую картину княжескаго эгоизма.
 Трагедія „Филидъ Талорри“ не зорько задумана,
 но и гасерь написана еще очень рано; авторы
 намекають на нее въ письмѣ къ Менделсону
 орь 22 октября 1757г.; при введѣнн снцерь въ пись-
 мѣ къ Николаю она упоминаеть о ней, какъ буд-
 то она въ чернѣ уже окончена. „Это зеперешнй
 стозерь мъщанская Виргиния. Она видрошилъ цу
 изгорн римлянки Виргинии все го, гольмъ ицзере,
 совалое цълое римское государство. Она убъдидитъ,
 что судьба дочери, убиваемой своимъ орьломъ, коро-
 року ея гасерь дороже ея жизни, сама по себѣ доволь-
 но трагична; какое соборье способно поррхори душу
 зрителя, хоть бы и не повело къ государственному
 перевороту? Поеа эта зрель-мозная и „зредуетъ полной
 свободы, свойственной англійской сценѣ“. Авторы
 очень довольны своимъ стозеромъ; зольмъ не менте
 исеа оедалает въ поррфелта. Въ Галлбуржскій перодъ
 она снова браелетъ за нее, но ольр-закн не окончилъ.
 Въ Вольфенбуittelъ Мессинга радохалъ надъ него
 въ 1771г.; оларнй планъ былъ оеубвлентъ: вильсоу 3-ю
 акробъ явилосъ 5 и вильсоу свободы англійской сценки,
 исеа строго соблюдаеть единство времени; въ нача-
 мѣ 1772г. „Филидъ Талорри“ почти одковременно яви-
 ласъ и въ печати — въ Берлинѣ, и на сценѣ — въ Браунѣ.

швейцар; когда ее готовили къ похоронамъ въ день рожденія вдовствующей герцогини, въ ней нашли много такого, что не годилось для придворнаго и пригодно хоршесезвеннаго спекакиа; Лессингъ послалъ означенное мезебъ герцогу, на его судъ, и при зромъ оидъ-таки назвалъ своего зрагидива Виргинией въ повѣстной формѣ. Герцогова воевка, залезъ въ поубзу пбесн, и она была дана съ огромн, кылъ ценпохолмъ. Возъ въкраццъ содержаніе Дми, иин Талоззи.

Дмилія - дочь сурога-везунаго и нравезвеннаго дво, рдншна Вгоардо Талоззи, невѣста графа Антіани, поуррц, въ день своей свадьбы, двлхездъ въ домъ сво, нвъ родилей, съ извѣстїемъ, что Терзоре Томцага, принцъ и владзельный князь Твасчалмы (Фиаоталла), сталалъ ей въ церкви признаніе въ любви. Посо, втоту мазери (Клавдин), она скрываетъ это извѣстїе оръ оуца и жениха. Князь, чтобы удалитъ жениха, предлагаеъ ему, по собиу своего камергера Мари, келли, посолберво въ оудаленное государезво. Ан, тиани отказывается. Тогда придвгаторъ къ убїиству. На кареру, въ которой пѣлалъ женихъ съ невѣстой, нападалоъ подкупленные бангизы и засрѣливалоръ Антіани, но Дмилія освобождаетъ приелуга кня, здъ и озвоиуъ ее въ его загородный дворецъ. Князь везрѣгаеъ Дмилію, поразметивъ ея горелмъ, въ негодобаніи на убїицъ и обнцаеъ произвезти суро, гою изнегодобаніе. Но когда прївѣстаторъ родилемъ добущиши, илмъ сообщаторъ, что, для ценкѣа елндервїд, маръ и дочь долонны на время разлучиуъсѣ. Месиду

История том. литературы XVIII века.

эльма, озверевшая любовница князя графиня Орел, на, сообщила обо всем озецу Эмили и дает ей книгу, тайна. Эдуардо является къ князю и яредует у него свиданія съ дочерью, которой передаетъ весь планъ со, сдѣланной прозвѣи ея интриги. Эмили не видитъ другого выхода изъ этого положенія кромѣ смерти, и озецу закалываетъ ея.

Эмили. Ахъ!... Батюшка!... (Умираетъ. Эдуардо беретъ, но кладетъ ея на погребъ).

Эдуардо. Переходи въ лучший міръ! Это же, примишь, правдивѣе она еще была? Воздухъ даетъ она еще въ васъ злѣе и гуще, когда уронетъ въ кровь, во, пѣнцей объ озвѣщеніи? (Послѣ молчанія). Но вы ошудаете, что все это кончится? Вы знаете, можете быть, что я окробоавленную спалъ обрацу прозвѣи ея, моего себя, чтобъ завершишь мое дѣло, какъ въ глумной трагедіи? Вы ошудаете. Возь! (Спросивъ князя къ погребу принца). Возь, оны, кробоавный свидѣтель моего преступленія! Я самъ передаю себя въ руки правосудія. Я иду и ошудано васъ, какъ судьбу, а замъ (указывая на небо) — буду сидѣть васъ предъ Судьбы вѣдь насъ!

Принцъ (послѣ нѣскозорого молчанія, во время котораго оны шозривъ на зрѣть, съ ужасомъ и оградн, ель къ Мариселли). Возьми, подними его. — Это же вы не рѣшаетесь? Презрѣнный! — (Вырываетъ у него изъ руки Кинжалъ). Кляну, зводъ кровь не дошла слѣдующая съ этого кровью! — Иди, спрячься ора людей! — Иди, говори я рѣдь! — Боже! Боже! — Ужели, къ не, скажетъ сполкнѣть людей, мало зого, что принца —

ть же слабее люди? Неужели нужно еще, чтобъ подъ личиною друзейъ нѣтъ скрывались демоны!

Драма бедна вполне сценично и патетика превосходного смазана прозою. Это одитъ нѣтъ вазы, нѣтъ персонажей драмы — искуситель, нашель себя чудотворенное выраженіе въ лицѣ Мариелли, ловкое и злоба козорого обцеловливаетъ драматическую развязку въ этой драмѣ, — на это предло указываетъ заключительная слова пьесы. Эта трагедія развѣриваетъ устремленную картину княжескаго злодѣя: въ отъявленіи своей агнозии эту эту, нѣтъ смраетъ жизнь подданнѣ за ничто, переодитъ отъ интриги къ интригѣ, зѣветъ своей не, вѣрноетью нѣтъ не доводитъ до сумасшествія дѣвучи. Ку, замѣтѣ убиваетъ жениха, чтобы овладѣть неба, этой, самую невоетю доводитъ до того, что она жила, етъ смерти, и етъ старому озу даетъ въ руки смерти, коемую срамъ, котора въ невоетю съ нѣтъ етъ жизни угрозываетъ весь опасное, котора ей угрожаетъ, или — какъ она сама, умираетъ, говоритъ прекрасно, лотаетъ розу ранѣше, чѣмъ буря обрываетъ етъ мѣрѣя. Далѣе, почтенной, суровой, горячій орецъ этой Эмилии, невоетю, съ его неодуманной опро, мѣриваетъ и его бодзываетъ впротѣриваетъ; слабая, близорукая, нѣтъсколко угнетенная мать; прозой, прѣлкой, чудотворенной женщиной; сама дѣвучица съ етъ красозой, прелестною, етъ скромною, самая бодзливая и самая рѣшительная нѣтъ своего пола, котора етъ жердеетъ отъ ужаса, но позоль вполне, нѣтъ овладѣваетъ собою, видитъ положеніе, опасное,

спасение, рыцарство дочери того, что слугаешь необходи-
 мость, и увлекаешь за собой отца; излитый разврат,
 никъ-принимъ, позорный законъ хорошо разсудаетъ съ
 шиботисцелью обь некуселью и доеруелью велью ин,
 зереса-ль образованій, но не знаешь никакимъ гранимъ
 для своихъ меланій, потому что слугаешь себя выше
 законныхъ; его первая смерть, полусу-масмедная Ор.
 сина; его изворозмивай придворной Маринелли, слуга
 его позорна, въ позорналь близоего деснога подавила
 безкое губерво правезвенносуи и ресри - это - Мэфисро.
 фель Трауса: все оми, включая даме Бандирова, ко,
 зорилья подкупаешь Маринелли, прекрасно предсравле,
 ны, и лодь дийсервиль выдекаешь изъ характеровъ, какъ
 и зредуешь драматургия.

Благодушный изгавель или зригель озраешь рас,
 зроганномль, даме злубко позрвсенномль; но пер,
 бое его внеказлание - подовонсуво развззкого: добро,
 гавель не золько не зориссервиль, но угроаешь въ
 крови или зндерь суда за дозозубильерво; а пороки
 озраель, повидимому, безнаказанномль. Въодъ ким,
 таль биль въ рукаль у Одоардо Талорри, и если
 Маринелли биль слишкомъ низко для его сира,
 ведливаго мизеня, зо передь нимъ сходиль пре,
 сунимый принципъ-кндзб, не защищаемый своими
 сзраснами. Учили озраей римская басня шкель
 надъ франзацией Мессинга факую влаерь, что оми
 не рашилья измьонить ес по зредованю обшере,
 ловоческой сираведливости?

Нюрь, римская басня здъет не приель; она
 дала золько ромель поэзу, первый абрисъ, а раз,

важка была въ его рукахъ. Положимъ, что дѣи,
свѣдѣ опредѣлено заранее, характера золько поэма
выработана для поэтизации; положимъ, что въ
поэтизации ора поэма порицаетъ, какъ президе
и порицали, что ора не утверждаетъ найди муршеи
цѣли для своего кинжала: но все-таки въ поэти-
зации поэма предположено, и желательнаго фрей-
поэма, который происходилъ ора патристической эко-
номии, удерживаетъ какъ бы муршеи. Разъ безнака,
заключаетъ принца и маркизели (знай порядоки гер-
цогского двора, мы не можемъ думать, что его по-
срешаетъ другое наказаніе, кромѣ удаленія) не
возмущаетъ насъ на столько же, какъ возмущала
бы безнаказанное дяди Тамара и Джо въ иссѣдѣ
Шекспира? X

Главная причина такой развѣдки — незорное,
скад. мы не въ старой веселой Англии, гдѣ мы
дѣлаемъ такъ хорошо смѣемъ на земли, что они
забыли о небѣ; мы въ XVIII вѣкѣ, но не въ скѣ-
тической Франціи, а въ богородицкой, прозе,
свангерской Германіи; мы ищемъ дѣло не въ
учениковъ Волтера, а въ его соперниковъ, не
въ обезьянкой французскаго просвѣщенія, а въ
передовыхъ бойцахъ немецкой национальной
поэзии и мысли, до гдѣ поръ утвержденной и
подавленной. Доживши Лессинга до эпохи роман-
тиковъ, ора было бы безпоказанно враждебно,
но гдѣ не менѣе романтики гдѣсь связаны
съ нами и не золько отрицательно, врандотомъ въ
французскихъ классикахъ, но и положительно,

во имя основной идеи-убежден; здесь на земле не завершается роль человека; здесь страдания и несправедливое, а награда — жалость. Здесь Оскар Осин, даешь герцога-принца, как судьбу, а жалость отъ будешь судить его передъ другими судьбою.

Другая причина — эстетическая. Трагедия, по учению Лессинга, должна возбуждать не удивление, а согубеждение, соэрадание и не только жаль, что мы видим на сцене, а и жаль, что мы должны допустить нашим воображением. Возможно ли чтонибудь возбуждет больше согубежденное соэрадание, как Оскар Талози — невинный дохотубийца передъ судьбою герцога? Трагизм знаменитого ослы. Баль бы, еслибы отъ самъ совершилъ судъ надъ принцем — герцогомъ.

И во время другихъ орномений Эра драма — «Миллиа Талози» — является живымъ и живымъ, своимъ законченностью дополнениемъ къ «Талозиной драматургии»: въ ней великая сцена подвигаетъ впередъ драматизмъ и тесно связана съ предыдущей и последующей; великое драматизмъ — какъ уже сказано, выделяетъ изъ характеровъ драматизирующихъ лицъ, которые и определяютъ не словами, а самими драматизмомъ; это не характеры, а не сложной фразы, управляютъ завязкой и развязкой, и какъ какъ великий характеръ заключаетъ въ себя и дурное, и хорошее, какъ и въ жизни драматизирующей — даме Наринелли — воплощенный дьяволъ, нефи, сродненъ Франсуа, вторно и энергично слушать жаль, что отъ сужаетъ интересы принца; — даме и

Эмилія способна поддаваться соблазну, — то истрадалъ
 ми зрителю все время въ напряженіи, все время
 не знающа исхода сраженія; съ первой сцены
 въ кабинетѣ принца-герцога и до заключитель-
 ной казаскроуры возбуждены основныя драм-
 тическія чувства — сража и соотраданіе. Лучшая
 часть нѣмецкой публики поняла великое зна-
 ченіе драмы Лессинга. Авторъ выказалъ себя въ
 этой пьесѣ мастеромъ трагедіи, какъ „Минна
 фонъ Барнхельмъ“ показала его мастеромъ комедіи,
 и съ тѣхъ поръ его начинають называть нѣ-
 мецкимъ Шекспиромъ. Поэтому Лессингъ сдѣлалъ,
 ея настоящихъ зрителей болѣе молодого поко-
 лѣнія драматургическія писателей. Тѣхъ и Шиллеръ,
 какъ драматурги, восмизались на драму „Эмилія
 Галотти“. Пьеса произвела совершенный фуроръ,
 особенно въ средѣ даровитой молодежи, и даже
 Шиллеръ въострадевши, раздвинувъ рамки тра-
 гедіи, негодобрижелно, даже врасудебно отзывалъ
 ся о ней, одна изъ лучшихъ его драмъ естъ безсо-
 значительное подражаніе пьесѣ Лессинга, а Тѣхъ
 и друзья его не ошидлись, назвавъ „Эмилию Га-
 лотти“ явленіемъ небывальнымъ: его начинаютъ
 новый періодъ нѣмецкой поэзіи.

III-ій періодъ (съ 1772 до 1781 г.).

Теперь на некоторое время Лессингъ совсѣмъ
 зарылся въ библіотекарскія замѣтки и дѣйствова-
 вать въ различныя области безобидной науки,
 ибо въ 1773 г. отъ наказа свои „Вклады въ исторію
 и литературу изъ сокровищъ Вольфенбюттельской“

Библютекен" (Beiträge zur Geschichte und Litteratur aus den Schätzen der Wolfenbüttelschen Bibliothek). В последующем году по повелению одной из ученых неготики велелись решить вопрос о германской и подвинулось мало замеченное первое сообщение из книжки Бунара, Волберенбургского неизвестно, но, дальнейшее продолжение погоры встало в 1777 и 17782. и заключало в себя самую разную нападения на еретианство, порицало, унизило разума с проповеднической кафедрой ("Antrittsrede des Herrn Predigers auf dem Prinzipal"), оурицало возмужество оурицаний, оспаривало по соображениям особенным основаниям у Ветхого Завета ка, фактер оурицаний, в Новом Завете резко кри, фиковало в особенном разказа о воскресении Христа и представляло в высшей степени не, пошлительный тоник о царице Иисуса и со учеников.

Совершилось одно из важнейших соборий в неготики протестантской теологии и церкви, и произведено оно было десятилетие в незамысловатой форме библютекарского сообщения. Весь теологический мир возмужился, хотя от казался доурагом, но подготовленность к самым разным вещам, потому что общее развитие церковной жизни и религиозного учения приняло решительно иное, реальное направление; ортодоксия оурицалась; биб, шмерство видялось вконец принадлежало им, берамкам. Возмуждений англиканский свободный мышлением и оурицано, и в займе оурицались

на это готовь, они знали, какую бурю они вызы, били. Но они били не на людей, которые подозревали свою силу под удары раздражен, какъ враговъ, и зело обрадованъ случаю от, влеченъ отъ своего зданка горь въ семью — въ это время они потеряли смертью какъ сына, такъ и любимую жену — онезгоденной поленикой за великое дело свободы совести и мысли. Никог, да еще его поленикеский талантъ не выказывал, ея въ такомъ блеску: какъ каснезд, то мы при, судящемъ при блестящемъ диспуте, въ которомъ все симпатии наши на стороне одного изъ борцевъ въ то время, какъ уздахъ сила авторитета поддержи, ваея другого.

Отвѣтъ на поленикую прозвѣ Незвѣстнаго и его издатель, Лессингъ написалъ въ своихъ „Theologische Streitigkeiten“: „Das Fundament Johannis. Ein Gespräch“ (1777 2), „Ein Duplik“ (1778 2), „Ein Proo- val“ („Привра“, 1778 2), जो „Alomata“ (1778 2), जोя рядъ сильныхъ поленикескихъ сраженъ, которыми они дали заглавие „Anti-Goeze“ (1778 2). Уже „Примка“ („Printz, val“) и „Alomata“ — отличны, но еще гораздо ве, лико. лтомные „Anti-Goeze“, одиннадцатъ сраженъ, въ которыхъ Лессингъ разбиваетъ изомиле и мо, нущество красноречива, коковое со времени Туг, жена и Мозера въ Германии было несмыслано. Весь упомянутый сраженъ Лессинга въ записку едѣ, Реймаруса и религиозной свободы послѣдъ одно об, еще заглавие Физи-Тезе (въ первой половинѣ 1778 2); поленикескихъ сраженъ предшествуетъ примка, ко.

^{Handwritten}
 „Handwritten“ Das Fundament des Joh. Fund („О доказательствѣ дѣла и силъ),
 Заключеніе Иоанна. Разговоръ.

и Озвѣтъ, оубоуевовање

цѣль христіанства не есть наше спасеніе, откуда бы оно ни пришло, а наше спасеніе при посто-
яни нашего просвѣщенія. А буква не есть духъ,
Библия не есть религія: слѣдовательно нападенія
на Библию не будутъ непременно нападеніями
на религію.

На самомъ дѣлѣ онъ вовсе однако не согла-
шается съ Нейзвѣстнымъ, г.е., генераломъ Реймару-
сомъ. Лессингъ хотѣлъ оживить христіанскую ре-
лигію, существующія христіанскія церкви отъ ре-
лигии Иисуса, „божественнаго друга людей“, которую
его крошкѣй ученикъ, Зогангъ, выразилъ въ сло-
вахъ: „Друзи, любите другъ друга“, въ цѣль завѣсно-
кастья и „Das Testament Johannis“. Лессингъ хо-
телъ къ тому, чтобы, приходя къ Землеру, силъ,
но подвижуръ негорію Евангелій, какъ литература,
нѣтъ паниброниковъ, и ближайшимъ изслѣдовані-
емъ первоначальнаго христіанства думать привезти
до освобожденія отъ буквы, которое онъ считалъ осо-
бенно необходимымъ. Онъ спрашивалъ бы объ евангеліи
христіанство такъ, какъ Вилкельманъ обвинялъ
греческое искуство. Поэтому что изъ различія или,
маговъ онъ выводилъ различныя ученія о нрав-
ственности и различныя религіи. Онъ видѣлъ въ
религіи прадукъ необходимости, но неохотно
отчужденія развирія. Главнымъ дѣломъ онъ счи-
талъ нѣтъ нравственное дѣйствіе. Именно поэтому
онъ считалъ неоспоримымъ благоуханное гуденіе,
которое блаженно своей второй. Но безъ сомнѣній
онъ надѣялся на новое вѣрное Евангеліе, которое

призывало бы кь добродетели не ради будущего
Блаженства, но кь добродетели ради ея самой.
И благороднейшимъ изъвозомъ добродетели каза-
ласть ему за любовь, которая связываетъ людей,
превышая конечныя границы народовъ, государствъ
и религій.

Но Лессингу не удалось изложить внятно свои
мысли о религиозныхъ предметахъ. За „Вопросъ-те-
зе“ у него было орнаго право издавать безъ цен-
зуры Вольфенбутергемские фрагменты и ему ве-
роятно было прекратить полемику съ Тейце. На-
печатать послѣднюю брошюру: „Вопросъ Антонио
о иже ани руръ и индифици дѣла въ дѣлѣ дѣлѣ дѣлѣ
дѣла въ Гамбургѣ“ („Нурный вопросъ на всеобща
неизуанный вопросъ“) и гдѣ-то удерживать за собой
поле битвы, Лессингу переносить полемику въ об-
ласть искусства.

Такъ какъ Лессингу долгие были сложены
орудия геологической борьбы, то оно снова взялся
за свое старое поэтическое орудие. Оно было еще
также чуждо, какъ прежде; и никогда оно не было
направлено къ болѣе благородной цѣли: пороку
это было чуждо не о побѣдѣ одного мѣстнаго надъ
другимъ мѣстнымъ, а о побѣдѣ зерниности надъ
незерниностью. Въ формѣ еще 1778 году, на который
выпала самая славная геологическая борьба, умеръ
Вольфери, и Лессингу создалъ ему надгробную
надпись: „Здѣсь лежить, если повторить вамъ, бла-
гочестивые господа! — жоръ, который давно бы дол-
женъ былъ здѣсь лежать. Да просудиъ ему Господь

по милосердию Своему его Тетрияду и его зрагедин
и многие изъ его сжимковъ; позоку что осяль,
кое, что оное произвелъ на свѣтъ, оны есго лавъ
добровольно хоромо" ("Zinn Ligt - wam man auf glan"
vun wolla, is frohman gromen! - das loingst fine
lingen selte. Das loba Gott merzail' nist gromt isu
frem Hestriade und frem Frohmalzials und frem
Amobfri wick; dann nach im font vus Ligt yabouust,
das fut im zimley nit yamust"). Въ 1762 году Волъ.
зержъ издавъ извѣщеніе изъ анги-срнезианскаго
завѣщанія свѣдѣнника Meslier (Мессье) и напн.
савъ въ слѣдующемъ, 1763-емъ, году "Traité de la
tolérance". Мессьера издавъ "Fragmenta aus Wölfen,
bittelfri Duzimminnen" ("Озривки Волъсрнедбоу,
зелскаго Кензвезнаго") и въ концѣ 1778. и въ
началѣ 1779г. работали надъ "Наданомъ или На,
закомъ Нудрыма" ("Nathan der Weise"); оны возвра,
зуред зѣтос къ етозмеру, которій замѣдереовавъ
его еще во время его сношеній съ Волъсрнедбоу,
для котораго и Волъсрнедбоу дозававъ нѣкоторое
элементы, и для котораго оны савъ написавъ два-
три возрива въ комедіи "Die Juden" ("Евреи"), но ко-
торій по сундзеву происхадитъ оъ Боккаччио
и слѣдовательно изъ великой сокровищницы
средневѣковой новеллы. ✕

Въ основѣ драмы лежащая старая притча -
парабола о колыцѣ везрагасна имено: въ "Festa
Romanorum", сборникъ среднихъ вѣковъ (въ 89 главъ).
Много происходеній зтого сборника неизвѣстны;
время - конецъ XIII столѣтія, первое изданіе по латини

около 1472 г. В Уэльском сборнике новелл: *Centio novelle antiche* (иначе *il novellino*). Это древнейший из известных нам уэльских сборников; составлен немого после 1311 г.²⁾ В *gesta Romanorum* рассказывается об одном воине, швед, звали 3-м сыновей: старшему он оставил в наследство свое недвижимое имущество, второму — деньги, а третьему кольцо многоценное, которое было дороже всего прочего и т. д. В «морализации» автор объявляет, что воин — это Иисус Христов; 3 сына — 3 религии: Иудейская, Сарацинская, Христианская; Иудейство бог дал земле оброчную; Сарацины — сокровище морское, а Христианство — кольцо невинной враны. В Уэльском сборнике, *Centio novelle antiche* (это новеллы древние) эта притча получает законный вид: Султан призывает к себе богатого еврея и спрашивает у него, какая враня лучше. Еврей рассказывает ему параболу о 3-х кольцах, относительно которых зонско отец знает, какое из колец находится, а каждый из сыновей скрывает подлинность свое. Эта притча или параболы с древнейшего времени и в «декамероне» Боккаччо. В его предисловии (дека 1, новелла 35) говорится безымянного султана Авлаха звали Мемини Саладини; еврей — богатый розовицкий мельник. — Султан Саладини нуждается в деньгах. Он посылает за богатым евреем и, чтобы похвалить его, предлагает ему вопрос: которую из трех религий он скрывает за невинную, иудейскую, христианскую или Христианскую. Еврей, который

¹⁾ Лучшее критическое издание Oesterley, Berl. 1872.

²⁾ См. Dunlop-Librecht стр. 211 и след.

не только бояры, но и ученые, просеяв позволения
 рассказы нехорошо и рассказываешь о кольце, ко-
 торое в одном знаменитом доке переходило от
 отца к сыну и возвышало владычества и на
 Саладинка надъ братьями до гроба поре, пока оно
 не попало во владение одного отца, у которого было
 три сына, каждый ^{свои} адмаковомо любимо всегда зреть
 и ни одного изъ нихъ не хотеть обидеть. Поэтому
 отецъ велеть сделать два другихъ кольца, которыхъ
 отецъ самъ два новъ отличилъ отъ наследника, и
 далъ каждому изъ своихъ сыновей по кольцу, такъ
 что по его смерти все три зрели адмаковомо
 призракия, которыхъ никто не могъ уладить, по-
 тому что никто не зналъ наследника кольца.
 Еврей приключаетъ это къ религиямъ; Саладинъ
 доволенъ, признаетъ въ своей науке, получаетъ
 его знаменъ и съ гробомъ поре сжигаетъ еврей своихъ
 другихъ.

Приключительно такъ рассказываешь Боккаччо
 о Саладине, и вь этомъ роду рассказывали также
 отъ одного испанского короля двенадцатого сто-
 летия: вь Испани, где все три религии жили
 вместе и находились одна съ другой вь мирномъ
 общении, где греческая наука вь арабскомъ обновле-
 нии разбивала предрассудки и делала людей
 равнодушными къ религиознымъ различиямъ, чемъ
 мылись зеринное и индиферентизмъ; и по во-
 ле, того, какъ они расширялись, все три религии
 сблизились на одну сгруппу, и это мыльные высказан-
 балос парадоксически вь нехорошо о кольцахъ. Все

знали ее значения, но люди недержимые дали ей
 другой оборот: наследующий наследником узмань,
 наследующее ковчо совершаешь чудо. Но охраняли
 и ковчоа и разеказывали зомско о зрелье Браздвель.
 Въ XVII столетии иль шкена у мюдеранъ были
 Перръ, Марриновъ, Зоантъ, и Марриновъ Бови, конечно,
 наследующий наследникомъ. Въ XVIII столетии Свидръъ
 видель Браздвель, чтобы почитаться надъ велики
 зрелье: но завтыцанію, они должины носилъ извезе-
 ные карзаны, но иль удаеель обойди завтыцаніе
 и едиларъ карзаны замъ, что иль кельдъ узманъ.
 у мюмцевъ Темлеръ воспользовался зрилье мо-
 зивовъ для пероріи о шкена, которая правимаель
 все новыя формы и все-таки должила охраняелься ора-
 рои шкена: но этой пероріей отъ еогель зобра-
 зилье не религия, а философия и ея мюмлющивель
 емерель.

Першимъ ель II столетія и зерниность XVIII-ого
 податерь другъ другу руку и веруяетерь въ еоюзъ,
 когда Лесинтъ енова берелье за первоначальную зелью.
 Онъ воспользовался шкеною новеллою Токкарио. Легко
 поидель, почему она замъ поправилась ему: во 1-ю
 обции ельель ея вполне еозубоудельвалъ ео взридъ,
 ду на взаимное означеніе религии; во 2-ю, днйельвель
 ея происходиль во время крезювилье походовъ, котъ,
 да днйельвельно вель зри религии ералкивалъ еелье,
 днельно, и въ ней видильно роис играель еулзаны са-
 ладиль, которий, какъ было извельно вельма, гуманъ,
 поелье и вьрозерниностью превосходиль многиль
 ериельанъ; во 3-ю, поидельель, глубокомысленной

нежны и влюбился еврей, в лице когорато Лессинга
 noch выразил лучшим герцк своего друга Моисеа
 Менделсона. Богъ выразитъ содержание драмы
„Назана мудреца“.

Во время управления Палестинского султана Саа-
 дина, взводивъ въ немъ въ мнѣннъ рыцарь Крама, или
 замминистра, прощаетъ мнѣ за то, что похосилъ собою на его брата.
 Онъ спасаетъ во время пожара приемную дочь ев-
 рея Назана и влюбляется въ нее. Сказываютъ, что
онъ дѣйствительно племянникъ султана, а Назана,
образцы гуманности, ума и доброты, весьма покров,
внушаетъ ему и усраиваетъ всеобщее благополучие,
Козачь слѣдуетъ изоридъ съ зрѣннъ персидскими, а замн,
 мѣръ или рыцарь Крама дѣйствительно племянникъ
 султана. Когда султанъ своего подвези поладилъ
 людей другъ въ другу, чтобы усраивать скрамство
 Рели (дочери Назана) и гордость тамминистра, тогда
 влюбляется Назана и, назвавъ наездыше имя замн-
 мѣра, объявляетъ Релу его сестрой. Рели бросаетъ
 въ обаяннъ брата, но зоръ ее оураиваетъ: ему зрудъ,
 но сразу разсрабъ съ своего небратского любовью.
 Однако онъ скоро овладѣлъ собою и говоритъ:

Назана, Назана! Вы поимыми рукави
 и дали мнѣ, и взяли у меня!

Кто, больше вы, безмороно больше дали,

Только взяли... (обнимая Релу). Сестра моя! Сестра!

Султанъ Саладинъ, услышавъ, что отецъ замминистра
 родственникъ — не имѣющъ, допрашиваетъ Назана, кто
 она была, и по арабской надписи усраиваетъ, что
 замминистра и Рели — дочки его брата. Такимъ образомъ

драма оканчивается счастьем, но без свадьбы. — Основ-
ная мысль та, что, еврейство, исламы и Христианство
одинаково полноправныя проявления человеческой
природы; божественное происхождение зреть рели-
гии можно узреть только по ихъ милости, то есть,
въ какой степени каждая изъ нихъ прилежна Богу и
людямъ? X

Самый разсказъ касаетъ настоящихъ наслед-
ственныхъ колецъ, которое свободный наследникъ
среднихъ вѣковъ передаетъ одному изъ своихъ сво-
бодныхъ умовъ новейшаго времени, чтобы укрепить
его силу въ борьбѣ противъ феодальности. Въ
самомъ дѣлѣ Лессинга мочь вѣсели въ свою драму
весь существенный гертъ старой повелли; но она не
остановилась на этомъ: съ полемикою противъ фе-
одальности она связала Евангеліе любви. Въ из-
ложении Боккаччо кольцо не имѣетъ чудесной силы,
а Лессингъ придумалъ чудесную силу кольца, ка-
кая встречается и по вѣсно повелли сборника:
"Festa Romantici", и изреченіе, которое на нее ука-
зываетъ: кольцо имѣетъ даръ дарить приданное Бо-
гу и людямъ того, кто носитъ его съ зримымъ упова-
ніемъ, и судьба даритъ драмы бракъ, которые зредуютъ
у него правосудіа, емодующій советъ: соревнуйте
другъ съ другомъ въ любви, свободной отъ предраз-
судковъ, заслужите кольцо своею кропотливою, ми-
ролюбивою, благотворительностью и преданностью
Богу.

Между тѣмъ, Боккаччо доехавши только до, три
сценъ: Лессингу понадобилось дѣйствіе въ пѣрвѣхъ и

дане событія, где бы обнаружилось взглядом еврей.
 Потому что еврей должен был быть не только чл.
 ность еврейства, он должен был быть также муд.
 рым евреем и добрым евреем, таким, как
 Моисей (Моисей) Менделевич, таким евреем, ка.
 кимъ Христианство было Мессиямъ. И эгоизмъ ев.
 реи должен был быть также не только драматическое
 положение, он должен был быть также судьба: мудрый
 Назаръ страдалъ среди нецерковности, он испытывалъ
 преследование, горькій бредъ; его жена и семь
 сыновей были некогда убиты христианами; но
 онъ выполнялъ самую зрѣлую христианскую
 добродетель: любовь къ врагамъ. Онъ беретъ Христи.
 анское духа какъ свое содержание; и Фаха, эгоизмъ
 приемлетъ, оказываясь племянницей султана и
 сестрой одного замка-рыцаря Храма. Христи.
 ане и магометане связаны однимъ семейнымъ
 союзомъ, какъ это некогда представила Волшебная
 фронто-Эммануэль въ „Парсифаль“ и въ „Виллехаль.
 мъ“; и еврей возмущаетъ въ этомъ союзе не по воле при.
 роды, а въ силу благороднаго сердца.

Однако своимъ развитиемъ пьеса не подвергается,
 съ этой основной мысли. Назаръ отщепенецъ
 скорее не воядерничность, а равнодушіе къ рели.
 гioзнымъ догматамъ. Въ Христианствѣ пьеса озносу,
 въ дане сродне, члнмъ къ другимъ воядерничность.
 Назаръ мудрый скорее — прославление деизма, при.
 знающего только одного Бога, отвергающего всякое
 откровение, а во вѣдѣхъ секантнмъ догматамъ пред.
 ставляющего все здоровому смыслу и отъзности

головка. Эта идея вытекает из ряда вопросов, которые в XVIII столетии волновали современное поэту-философу европейское общество. Это казали, что породило отрицательную цивилизацию, сло- жившуюся из закостылевших предрассудков, тьма- ликих невежественных масс. Поэту удачно выдала мифологию древней Палестины, и пометило — эпоху крестовых походов, когда католичество сошло к мусульманам к лицу с магометанством и евреями, сражаясь, но на сцене, в сущности, происходила борьба проступений с католичеством совершенно в западной Европе и в упомянутом, XVIII столетии. В течение XII века, Иерусалим принадлежал мусульманам, а поэтому для драматурга было возможно перенести католическую идею и борьбу с ними на почву Палестины, вскоре после того, как Саладин овладел Иерусалимом и владениями его боролся с Филиппом II, француженским королем, и Ричардом Львиное Сердце, предпринимавшим в 1190 г. экспедицию крестовых походов.

Nathan der Weise. Ein dramatisches Gedicht in fünf Auf- zügen (1779) — Нафан мудрый. Драматическая поэма в пяти действиях написана немецким драматургом Готтольфом Баземаном. Драматическое действие в нем совсем; все оно основано как раз на истории с земли персидской. Действие, как в Димитрий Талоч- жу, идет по необходимости вытекающей из характеров, и как уже в прекраснейшей пьесе Лессинга до сих пор, так драматическая правда тугенством самой жизни,

какъ въ его Телогеймовъ оказывались его соборвенная
 черты и черты Эвальда фонъ-Клейера, какъ въ его
 Гвасгалъскомъ примычъ (Heltone Gouzada) нельзя не
 признавъ чувственаго сходства съ насильственнаго при-
 нель Брауншвейгскимъ, такъ и здѣсь ему слышится въ
 ное наблюдение людей, слышится ему черты соборвен-
 наго и чуждыя характерова для созданія ряда закру-
 ченныхъ, законченныхъ образовъ, изъ которыхъ въ
 особенноры Назановъ принадлежатъ къ самымъ ве-
 личесрвеннымъ, богатымъ и правдивымъ, какіе зомъ,
 ко можеть указать вся итальянская литература: ку-
 пецъ и философъ, какъ Лозеъ Менделесонъ, идеаль-
 ный, доеройный удивленія, обвиненный неспрашенно
 и самоуреченіемъ челоовка, и все-таки нигдѣ не
 идеализированнымъ во что-нибудь неясное, нигдѣ не
 изображенныи декламациею или превосходной сре-
 пенью, но надѣленнымъ, какъ поррррр, полнорой
 определеннымъ земнымъ чертъ! Мы впамять по-
 нимаемъ, что такой отырыи купецъ, который всегда
 такъ обдуманно умееъ направлятъ друшь, долъ,
 шенъ быть приоброети богачева, что его умъ и дакъ,
 ный нурешесрвй освободили его отъ иредражеудковъ
 и что такой мудрый и добрый философъ владеетъ
 не зомъко для себя зрудно добывшими сокровищанки
 сердца, а сраковителъ, благодаръ имъ, полезенъ для
 многихъ. Мы помимаемъ, что онъ относился къ
 великимъ мира сего безъ боязни, но озорозно, и
 что у нравственнаго высокимъ людей онъ научилъ,
 ед, какъ самой гнѣсрвирелной полнзика, указываеъ
 на высимя нравственнаго идеи, чимъ онъ пободоконо

увлекала за собой самые упорные увы. Но зертливою предостереженью каждому его характеру, если только зреть характеры не явно дурак; но это ему надо воспрянуть, быть, быть отнюдь воспитывается простоту и безыскусствен, нуно естественное. Такимъ звораніемъ его была Риха: черезъ ея увы отнюдь действовало на ея сердце, а простоту, шестіемъ укрѣплено природною чистоту ея души. Она дозрѣки невинна и не знала о любви; всякій на-мекъ на любовный дѣла советовалъ отъскакивалъ отъ нея. Она привязана метательного любовного зомско къ своему воспитателю, котораго она считала за своего настоящаго отца, и она еще не могла обладать, ея быть его духовной поддержки: въ его отсузствіе ея простоту не пользовалась большую опасность и чудесное спасеніе; зашлѣра, который вынесъ ее изъ огня, она могла принять за ангела; только возразившійся Назамъ могъ ее образумить. Такимъ образомъ и зашлѣра, обыкновенно охровен, ный, прямой и свободный отъ предразсудковъ, хотя несколько высокомерно относившійся къ еврею, президе тамъ его узнавъ, увлеченъ юномъ ескимъ бур-нымъ порывомъ къ недугманскому маю, который приносилъ опасное Назаму и его самого заставля-ель горько раскаивался. Саладинъ, челоука съ серд-целью, душой, порывомъ, что гасно взрываетъ у сол-датъ, у людей дѣла, легко воспламеняющійся и легко забывающій, неспособный сберечь свои дѣла, очевидно находящая въ семейномъ родствѣ съ зашлѣ-леромъ: горячо кровь оба шпекотъ отъ абзора (Лес-синга), а плохія финансы Саладинка также не чужды

У какъ думаютъ, Амалия Кенни, надгерица Лессинга, орк, иналь Рихи, Назамъ.

писатель — автору этой драмы. Саладин горько привд.,
 зашь къ своимъ братьямъ и сестрамъ; и въ практи.,
 теснѣ дѣлабы толь зашь гнѣ окозю подчиняется
 спокойной разудительности своей прѣмой, преду.,
 сморительной сестры, ^{См. 27, 266.} какъ бы это моль дѣлалъ все.,
 сивъ относительно своей земли. Но съ видѣніе не
 всегда ведетъ къ добру, и поерупокъ съ еврейско, ко.,
 зорѣй она предлагаеъ, оканчиваеъ къ сѣдую ея и
 Саладина. Другъ Назана, дервинъ, „дикій, добрый,
 благоумный“, розъ искумъ иицѣй, котораго Назана
 обдѣвляеъ масовичишь корольско, попалъ въ очень
 фрѣмливое положеніе какъ казначей султана, и
 наконецъ освобождаетъ отъ этого просвѣтъ бѣгствоны.
 Это созданіе Лессингова котора основывается на од.,
 моль еврейскою магемазишь тѣ круга знаско,
 миль Моисея Бендѣйсона. Въ подобномъ же фрѣм.,
 шивовъ положеніи находится сремвннѣй, козо.,
 рѣй некогда примеъ къ Назану христіанское
 дурдъ и которѣй генеръ, какъ моль, долметъ не.,
 пыдываеъ своего благочестивую просоку на службу
 безответному, но къ счастью глупому церковно.,
 му кнѣзю (патрїарху Герусалимскому). И онъ сразу,
 видѣя друготъ Назана; и онъ забываетъ еврей и съ
 удивленіемъ восклицаетъ: „Клянусь Богомъ, въ хри.,
 стіанствѣ, никогда не было лучшаго христіанина!“

Вотъ эти люди драмы, создаленно и безозна.,
 зельно, согласны во взглядѣ, которе Назана, какъ
 мудройшій изъ нихъ, лучше всего умнеъ выразиъ
 и которе были собзвѣннѣйшии взглядаки автора: вотъ
 они воззатагоъ прозвѣ призваній „положительноны

Исторія вѣн. литературы XVIII вѣка.

религій, все они единодушно, пренебрегая различіями религій и національностей, низвергаютъ человека и стираютъ, что хорошо поспунарь есть неизменная цѣль человека, но все они единодушны и въ деизмѣ, въ общій вѣръ въ Бога и его мироуправленіе, которое не есть сверхъестественное витъшарелство, но всегачи нехотимикъ всего того, что совершается. Эту общій вѣра образуетъ спокойную основу для вѣнскъ молодежи прекраснѣйшихъ людей, которые симпатично соединяются вокругъ Ваца, на. Все, исключая единственнаго герца (Казама), отъ насиди въ осмысленіи сбивается съ пути, который стираютъ правильно, будь это путь благороднѣйшій, или не, благороднѣйшій побужденій; и на закнѣ заблуде, видѣть основывается важнѣйшій стлелетовій пбесса. Какъ контрастъ къ нимъ являюся іерусалимскій патриархъ и коринѣица Рели, Далид; они законно единственнаго вѣрнѣйшій путь къ Богу, а патриархъ, какъ риказура на пасгора Мелсидра Тѣце, вполнѣ горюетъ огнемъ и мечемъ загнать все міръ на Эгоръ путь. Но добро зорисеубиеть; высокая мудрость Казама при, водитъ все къ змеланному концу, и если слишкомъ быстро воспламенившійся рыцарь Храма долженъ изгнать любовь изъ сердца въ брадскую любовь, то вѣдъ Реха не любила его, разочарованіе было для него несомненно и наказаніе заслужено.

Если Мессинъ орнетъ эту общую благороднѣйшій и зертнѣйшій людей ко временамъ кресовѣйшій поко, довѣ, то мы знаемъ, что они не были неправы, и у него была бѣдъ мысль, которая и днѣшнѣйшій у него была, что союзы масонскія нехотимикъ связавъ

съ орденомъ замиллеровъ. Святой Трайтъ Вольффрама фонъ-Именбаха также защищалъ роцардлинъ кра-
на; и самъ Вольфрамъ фонъ-Именбаха, если бы
возвратился въ миръ съ однимъ изъ гнѣвъ благород-
ныхъ Извѣтниковъ, котораго они такъ охотно из-
брасають, съ радостью привоужествовали бы его какъ
брата.

Гармония и миръ окружающаго въ „Назанта Люд-
ромъ“ народы и религии, о чемъ мечтавъ Лессингъ
какъ масонъ. Но духъ мира, который вноеть въ его
песнь, есть веселый духъ. Тѣмъ находимъ уже все,
что наивнѣе въ самой Извѣткѣ этой драматиче-
ской поэмы. Веселые образы ~~мыслителей~~ и морисовъ мы-
слятся, какъ въ комедии „Minna von Barnheim“, съ ес-
тествомъ и угрожающимъ; и это отношеніе, озража-
ющее дѣйствительный миръ, удерживающъ насъ на
землѣ, гдѣ великодушный подвигъ и благородное
настроение воздѣхъ съ возбуждающаго слѣды слово
переноситъ насъ въ неземное царство приключеній.

Какъ драматическій театръ, Лессингъ во введѣ-
ннѣ слугаго еще не сказалъ въ своихъ предшеству-
ющихъ драмахъ своего послѣдняго слова. Онъ долженъ былъ
подняться на еще болѣе высокую сцену. Этой сцѣ,
неки достигъ онъ въ „Назанта Людромъ“. Эта драма,
въ основу которой положена наивъ уже извѣстная
новелла, получившая у Лессинга своеобразную, гл-
боко моральную обработку, представляеть высшнюю
и послѣднюю сцену драматическаго зрѣлища,
какъ покидала его великій кризисъ. Съ ранними
драмъ характеровъ, съ прозаической трагедіи, которую

1) поэма средневѣковой, шиль около 1200 г.

отъ началъ „Сарой Самсонъ“ и козрой несмотря на пресиди намеренія отъ остался вторымъ въ „Милли Талорри“, отъ все-таки перешелъ къ драмѣ въ ерхалъ, чтобы привесть въ доезойную форму вполне идеальное содержаніе и высокой степени всеобщей, поцей человѣческой любви дакъ и украшеніе ритмической прозы; переходъ черезъ драму правды, „Милли фронтъ Карсельманъ“, противостоитъ гордымъ национальннмъ губервомамъ, Лессингъ въ концѣ концовъ въ „Назанъ Мудрой“ доходитъ до глумливой общечеловѣческой драмы мысли въ сценозворной формѣ. После „Милли Талорри“ несомненно послѣдовала черезъ семь лѣтъ „Нахан ден Виче“ („Назанъ Мудрой“). Это производили пресиде возбужденіи драматической сцены, то естимамъ генеръ геологическіе споры. Говорятъ, что вѣтъ дороги ведутъ въ Римъ. У Лессинга вѣтъ дороги вели къ драмѣ.

Но кромокъ великимы преимуществъ „Назанъ Мудрой“ итмеекъ и много недоезакровъ, изъ козрой вѣтъ существенныя сводятся къ одному: Характеры итмеекъ, какъ уже сказано, раскрываются не въ драматическомъ итмеекъ — вѣломъ и не всегда послѣдовательннмъ, — а въ прекрасннмъ и смѣлнмъ прозѣ итмеекъ. Лессингъ и самъ, повидимому, губервовалъ это и назвалъ „Назанъ драматической поэмой“ (Dramatisches Gedicht). Но если „Назанъ Мудрой“ черунаеть въ сценичности, какъ мѣ ср. Барнфельдъ и „Милли Талорри“, зато для гтмеекъ это первое по времени и одно изъ первыхъ по до-срочности произведеній классическаго періода нѣмеекъкой литературы. Глубокая вѣтра въ людей и въ воз.

возможность мировой гармонии, козорого проникнуто
 это произведение болыного, одинакаго, разбузало широтю
 человека возвоузаеу наерупление эпохи Брауера
 Гете и Вилгельма Мелля Шиллера и объекезех
 всемирную славу ить. Позуическая проповедь гумана,
 поэзи, Брауера и равенерва, обившая небедного
 ппснню немецкаго кризика, показываеу, что его на,
 родъ не нуудался въ шибозитю для веруления въ
 XIX вѣкъ.

Разуисение, изуелодание, сомнѣние, опроверже,
 ние, адимъ словомъ, кризика была силой мс,
 синга. Посредуемъ кризика отъ домель до своихъ
 собеземныхъ убъидений; но выше рѣшь подро,
 коеръ, кобородъ отъ сзрого изуелодаванъ, у него вежа,
 вало предувеуе изулаго. Прикыкати къ лейбни,
 цу и нѣсколко прибуисаеу къ Спинозю, отъ
 образаванъ свои предуавленид о Богу и и.рѣ,
 и о думѣ человека. То, что для него было важно,
 отъ всего аенге высказавъ въ „Freimithige Gr.
frucht“ (въ „наемекиихъ разговоравъ“, 1778 года;
 отъ присоединилъ къ ордену въ Тамбурегъ) и
 подъ покровомъ, скриво, въ обесидеиин Хрисциан,
 екихъ догазовъ и позому не подъ своимъ собезем,
 нѣмъ именовъ, въ „Erziehung des Menschengeschlechts“
 (Воспитание челоуогескаго рода), отъ 1780 года. Эка
 убъиденид образуюу спокойный задний планъ,
 отъ козорого оудалдеуеу бурное движение мысли,
 псскихъ сочинений.

Въ одной изъ полемическихъ сраженъ прозубъ
 Гете Лессинга оглѣдываеуеу назадъ на бурный вѣкъ

туманные волнения и гудевших себя пригнанных
 болные мяжины взирали къ гавани, въ которой она
 надвигая приехалъ такъ же радостно, какъ его прочув,
 никовъ ^{въ скоромъ же,} черезъ три года повелъ зоро, какъ онъ написалъ
 это, черезъ два года после зоро, какъ онъ подарилъ
 своему народу свое главное произведение „Назана“
 и въ образъ мыслей мудраго еврея изложилъ свой
 соборенный образъ мыслей, Лессинга на самомъ дѣлѣ
 балъ пригнать къ бездурной гавани, приехалъ къ
 безвзвѣтному берегу, т. е., онъ умеръ уже 1781 года
 15 февраля, въ 9 часовъ вечера. Река „Назана мудраго“
 его надгорица Амалия Кёнигъ была самымъ близ,
 кимъ мизомъ во время его болтажи.

Лессинга было мученіе — въ неизреченную эпо,
 лу; онъ былъ разнороднымъ зракомъ — въ изнѣ,
 менное время. Тихое умиление не было чудомъ
 и ему, и следа сочувственной любви къ людямъ бли,
 стала и на его глазахъ. Но онъ не мучился въ зомъ,
 тобы миръ заглядывалъ въ его сердце. По его мнѣнію
 невинное назначеніе человека — не гудевать и не
 умевать, а дѣлать; дѣлать добродѣтельную
 дѣлательность есть единственный подобный каменъ
 невинной религіозности, а зрѣлый человекъ, который
 не понимаетъ свой долгъ не ожидая награды и поже,
 сри, есть нравственный идеалъ. Онъ считалъ дѣлать
 важнымимъ предметомъ поэзіи, а драму, которая
 наиболее живо тѣмъ подобнаесть, совершеннейшимъ
 родомъ поэзіи. Вели ^{не} припомнилъ — говорить между
 прочимъ о немъ Шереръ — его соборенною бурною
 жанду дѣлательности, его неустанный трудъ, его любовь

къ свободному разговору, его готовность къ срастному иже,
 разурному спору, его прозесянцескую ревность къ прав-
 дѣ, и прибавилъ еще гуманиса, парриоза, врага дикан-
 товъ, козорый оловное всего дѣйствующъ какъ свободный
 писатель, и не забываетъ о будущемъ, безпечный, хотя и
 не беззаботный, вполне шивецъ въ насъодущемъ: го
 какъ каменей, какъ будто въ немъ во второй разъ
 явился Гибриль фронтъ-Турренъ, ¹⁷⁷⁰ победилеский писатель
 начала XVI столетия, во время реформации, и ярый
 прозивникъ павы, но Лессинга, болное мѣлкий и
 дружелюбной его. ^{Самое важное} ~~то~~ ¹⁷⁷⁰ ~~мнѣнїе~~ ~~Лессинга~~ ~~было~~ ~~самое~~
 важное сужденїе къ иезуитъ. Онъ говоритъ: дѣлать
 почъ италъ въ одной рукѣ ~~вѣчно~~ иезуитъ, а въ
 другой - сужденїе къ иезуитъ и предохранить или
 предлагать ему выборъ, го онъ просилъ бы: дай мнѣ,
 оже, сужденїе къ иезуитъ, ибо иезуита сама
 приходится одному шѣдѣ. Но счастливый перїодъ въ
 жизни и дѣятельности Лессинга былъ непродолжитель-
 ный: черезъ годъ жена его умерла отъ родова, коелтъ рѣ-
 шилась срадатїи, и онъ самъ одряхлѣлъ и сѣдилъ,
 ся задумавъ до разежиднаеши. Последние три года жив-
 ни Лессинга, употребленїе илх почти исключительно
 на борьбу прозивъ прозесянцескихъ паррїи, враздобавленїе
 шведиу сабою и съ католиками, и на одишрнцо поле,
 мнѣ съ разными мѣстали, были ознаменованы соз-
 данїемъ лучшаго изъ его поэтическїхъ произведенїи,
 какъ разъ драмы „Мазанъ мѣрвый“, выше козорой сра-
 нѣ въ павецкой литературе, по колосальному значе-
 нїю, счонъ зонско „Фрагеръ Теде. Последнїи произве-
 денїемъ Лессинга, какъ уже сказано, было „Восстанїе

человеческого рода, изданное в 1780 г. Лессинг умер на 52 году. ~~Уже спустя года (в 1783 в 1853 г. ему были~~
 воздвигнуты, по национальной подписке, памятники в Брауншвейге. Лессинг, говоря о Шерри, слово свое классической критике возвратил немецкую поэзию заоблачить нравы Клопштока и изъять рокамбо, гесской земли Виланда в ее озерство и научить ее быть немецкой и выскреть ее злым свободной. Свои сурь, мисель в злосной связи литература с симуляцией, звал, звал правдивое содержание критериев и не скрывал презрения к сухой догматике. Свои при, звал заслуги французов в университетском мире, ка средневекового невольничества, но безпоизадно осуждал, дал и не псевдоклассицизм и выразил пробыдаю, щее самосознание немецкой поэзии относитель, но галломания в следующих словах: «укажи мне кто, что нибудь в великом Корнелии, чего бы я не мог бы сделать лучше!» Влияние его распространялось всюду, возбуждая к грядущему и часто, выскреть ее злым, предсказывая и образцы. Свои дал дозреть зра, волю разудку в дилемме религии и первый положил основание в Германии взвешенной критике. Его ла, охоты и «Таллбургская драматургия» — безмерный произведения этой критики. Лессинг установил границу между пластическими искусствами, которыми принцип — спокойствие, и зоническими, которыми — движение. «Таллбургская драматургия» от, крыла немецкую сцену для оригинальных произ, ведения. Намекал на всякий превращаемый, зло, словию и неавиери, от суремилея и в науку, и в

искусства въ освобожденіи національнаго духа, сра-
мился походить, основательно и вѣроятно гуманно,
давая всему новому низше и не отвергая добраго и
въ старомъ, если оно замѣчательно.

Изданія сочиненій Лессинга на русскій языкъ переведены:
„Молодой ученый“. Др. въ 3 д. А. Карцова. 1765. — „Солда-
ское счастье“. Др. въ 5 д. Переложилъ съ немецкаго на
русскіе нравы И. З. М. 1770. — „Кладъ“. Др. въ 1 д. Изд.
2-ое. М. 1788. — „Эмилия Галотти“. Др. въ 5 д. П. А. 1784,
другой переводъ Н. Карамзина. М. 1788, зрѣній А. Дюлон-
зова. („Классическіе Многостранные Писатели въ русскіи
переводы“, 1875, т. I.) — „Избранная басня Г. Э. Лессинга“.
Перев. В. Паничевъ. 1816. — Прекрасно переведены и объ-
яснены: „Лаокооны, или о границахъ живописи и по-
эзи Лессинга“. Перев. Э. Эдельсона. М. 1859. — „Названъ
мудрой“. Драматическое сатирическое въ пяти дѣйствіяхъ
Лессинга. Перев. В. Крылова. („Возвращеніе Европы“, 1868);
сверхъ того „Переводъ П. Вейндера изд. Бакера“. — „Тамъ,
бургская Драмаургия“. Русскій переводъ Пассадина, Москва,
1883 г. — Превосходную характеристику написал Н. Т.
Гершманевскій въ своей книгѣ „Лессингъ, его время,
его жизнь и дѣятельность“, 1857 года. См. также „Дидро
и Лессингъ“. (Взвѣсн. Записки“, 1868 г.). — „Заслуга Лес-
синга для немецкой драмы“ М. К. (Филологич. Записки,
1860). — „Франкъ Лессингъ и Ругеръ“. П. Д. Бодоркинъ.
(Русскій Возвѣстникъ, 1867). — „Лессингъ“, сража В. Ш. на
(Северный вѣстникъ 1857). ✕

Кратко только перейдемъ къ разсмотрѣнію школы
Лессинга, но должны не много остановиться на ^{одной} „итино“,
если, которая не мало повлияла на его изученіе иску-

суба и производство его, Лаоскома, это — знаменитый
исхорик и крифик искусства Винкельманов. Это
— единственной современник (Лессинга), который моча
сь Лессингом равняется, по крайней мере, орное,
гелбно свободы и зрелости образования, относительно
воодушевления къ идеальности изгладить. Хотя они
днействовало вьне Германия и въ ограниченнои области
изследований исхорик искусства, го все-таки стра,
ведливо приписывать какъ Лессинга, такъ и его
(Винкельманов) виднито надлежи классицизма въ
северной и средней Германия какъ виднито Лессинга, такъ и его виднито.

Гог. Иоахимъ Винкельманов (Johann Joachim Win. 1717 + 1768.
скелтанн) родился въ 1717 г. въ Сзендалте (въ Альб-
марке); онъ былъ сынъ бодного башиманника, ко-
торый не имало возможности дать сыну правиль-
ное школьное образование; но мальчикъ самъ про-
билъ себя дорогу. Онъ въ молодости прислушивалъ
ректору школы въ Сзендалте и пользовался его бога,
гою библютекою для ознакомления съ классически-
ми писателями, онъ получилъ именованно въ кач-
ствѣ полусекретаря, получаясь въ услужение къ
университетскому ректору — чинзелю, который, замѣтивъ
его способности и охреть къ учению, собралъ сред-
ства, чтобы отправить его въ Берлинскую гимназю,
и скоро въ знаніи классическаго языка Винкель-
манов обогналъ не только братьевъ Говаринцевъ, но и
многихъ преподавателей. Узнавъ, что въ Гамбургѣ
распродаются съ аукциона библютека знаменитаго
го Фабрициуса, гимназистъ Винкельманов итмкомъ
отправился туда, на выпрошенную сумму ради денеги

купилъ нисколько хорошихъ ^{изданий} классиковъ и на свои
 деньги приехалъ въ иль въ Берлинъ. Въ 1738 г. по-
 селился онъ на богословскій факультетъ въ Талле,
 но занимался больше древнею историческою, чѣмъ бо-
 гословіемъ; въ послѣднемъ (богословіи) онъ не чув-
 ствовалъ ни малѣйшаго расположенія, но это была
 самая дозвучная для бѣднаго человека карьера. Въ
 1740 г. онъ выдержалъ экзаменъ на кандидата богос-
 ловія и пошелъ искать въ Парижъ, тамъ ре-
 вадетъ охоту продрагуетъ въ Римъ; на почтѣ онъ
 часто останавливался въ католическихъ монастыряхъ,
 гдѣ его принимали очень ласково, такъ какъ
 утвердилъ, будто соединяется принять католичество.
 Но начавшаяся война не позволила ему продол-
 жать свое путешествіе дальше Франкфурта. Про-
 бывъ нѣкоторое время домашнимъ учителемъ и ско-
 нивъ нѣкоторо денегъ, онъ поселился въ Гемскій
 университетъ, гдѣ занимался анатоміей и магема-
 тикой: уже тогда его привлекало анатомическое искусство,
 для котораго онъ не пошелъ во всея Германіи найми
 преподавателя; анатомія была ему нужна для по-
 нимающаго скульптуры, магемадика — архитектуры;
 такъ сказать, между деломъ онъ выучился по-анг-
 лійски и по-италіянски. Но за неимѣніемъ средствъ
 онъ долговъ былъ покинулъ университетъ и въ 1743 г.
 въшелъ много конфектора (младшаго учителя) въ ма-
 тальную школу мѣстера Зеггаузена (Seehausen) на
 родномъ. Тамъ онъ прожилъ въ сѣтливъ усиленихъ
 условіяхъ: маловансе было такъ нѣтъ, что
 онъ могъ бы умереть съ голоду, еслибы по обычаю

Времени родители учеников не кормили его обеды
 по очереди; лучшие часы дня он употреблял на
 обучение друзей чтению и письму, къ чему у него не
 было ни оловки, ни способностей; книги не было, но,
 поворух было не съ кнѣвъ. И при такой жизни Вин,
 желая имъ наладить силы для работы; прозякивал,
 писал до полуночи, онъ засыпалъ часа на 4 въ своемъ
 креслѣ, а отъ 4 до 6, когда начинался его урокъ,
 снова работалъ безъ устали. Однако энергия его сла-
 бѣла, и его замѣчательныя способности погнѣбли бы
 безвозвратно, еслибы ему не удалось (получить портретъ
Библиокартъ у графа Брюнау, близъ Дрездена) № 17482,
 довольно извѣстнаго въ то время портретиста, въ Нѣ-
 мѣцкѣ, близъ Дрездена. Онъ получилъ здѣсь всего
 80 залеровъ (ок. 120 рублей) въ годъ, но поелъ учивъ,
 сѣба это были для него большія деньги. Да и кромѣ
 того онъ имѣлъ здѣсь подъ руками массу картинъ,
 обихово умнаго и образованнаго человѣка, а что
 важно всего: возмозможность познакомиться
 въ Дрезденской галлерей Винкельманъ окотматерь,
 но поидить свое назначеніе — слушать искусство, и
 такъ ^{какъ} ему было слишкомъ поздно начинать учить-
 ся рисовать или копировать, онъ обратился нектою,
 зельно къ художественной критикѣ и исторіи иску-
 сѣва, въ особеннѣеи англичанаго, къ чему его такъ хо-
 рошо подготовили его пресидія замѣрѣя. И такъ, онъ
 учился искусству и исторіи искусства подъ руко-
 водствомъ фотонъ-Миттерга "К. А. фотонъ-Таледорна; при
 томъ ему пришло обиховую пользу знакомство съ
 образованными живописцами Озеромъ, который подмѣне

оказала благозвонное влияние на юного Теодора. Позже, познакомившись с сокровищами дрезденской галереи, Винкельманн стремился изучить древнее искусство на месте его происхождения - в Италии; всюду, куда он ехал, стремился на эту родину искусства и в особенности в Рим. Папский нунций Ардианго обещал ему прочное покровительство в папской столице, если он согласился перейти в католичество. Винкельманн был равнодушен к протестантизму, но переходом в католичество ему было непротивно; но, все шло к тому, чтобы приобрести расположение папского нунция в Дрездене, и только после значительной борьбы с собою он решился на этот шаг и перешел в 1754 г. из лютеранства в католичество. Вслед за тем Винкельманн написал свою первую книгу, которая была посвящена королю и курфюрсту саксонскому. Эту книгу надо считать в соавторстве с ним в виду, - сказали, говорили, король и курфюрст, познакомившись с ее содержанием, и назначили Винкельманну по 200 закладов в год, на два года, чтобы он мог докончить в Риме свое художественное образование. Осенью 1755 г. Винкельманн уехал в Италию, в Рим; в 1758 г. он посетил Флоренцию, Неаполь, Теркуллану и Помпею. Там - кризисом и историками искусства - интересовался: ^{интересовался} Рафаэль Бенедикт, кардинал Альбани и Бенедикт XIV. В 1759 г. посетил он на слуху, в качестве судьи, озекарта и консерватора древностей, в знаменитому

кардиналу Албати, и въ 1763 г. бѣлъ едвалинъ глав-
нымъ хранителемъ древностей Рима и его окрест-
ностей. Весь сокровища Вазиката находились
въ его рукахъ, и онъ разсѣивался съ нимъ только
изрядка ради поводомъ въ Теркуландию и Плом-
нето. Тѣмъ же разсѣивавшимъ древности Мано-
ля и тамъ бывавшимъ въ Берлинъ уездовъ фран-
цузскій переводъ своей „Методъ искусства“, выходя
съ франкъ и сродкобавившимъ по Германіи, онъ поѣхалъ
на родину въ 1768 г., но скоро погубивъ себя, какъ
сильно заблуждался въ Римъ, и въ Регенсбургъ поѣхавъ,
путь на Вѣну; оставивъ тамъ подарками и по-
честивши, онъ возвращался черезъ Триестъ и франкъ
бѣлъ заручивъ однимъ итальянцемъ, сопроводивъ
тѣмъ его и видѣвшимъ у археолога древній замо-
къ монеты и полагающимъ по тому, что Винкель-
манъ обладаетъ сокровищами.

Винкельманъ, въ сравненіи съ Лессингомъ, променявъ,
какъ видно, прозрѣвательною и извѣстною путь.
Между франкъ какъ Лессинга бѣлъ приведенъ изъ Саксо-
ніи въ Пруссію и получилъ рѣшительное направленіе
въ Пруссію, пруссака Фогель-Тоалмъ Винкельманъ
принимая изъ своего искусства въ Дрезденъ, чтобы въ
классическомъ и тогдашнемъ итальянскомъ рококо наслади-
ваться сокровищами перваго и античнаго искусства
и въ сношеніяхъ съ австрийцемъ Эзеромъ (Озер), мно-
голетнимъ художникомъ и жившимъ челоукомъ,
почти идеальнаго благородной прозою и мирнаго ве-
шья, который онъ возмущивъ свору въ 1755 г., отна-
сая словами Эзера, въ своемъ первомъ сочиненіи: „Je.

Lauson über die Nachahmung der griechischen Werke in der Malerei und Bildhauerkunst (Киселю о подражании зоропидию греков въ живописи и скульптурѣ).

Этимъ своимъ первымъ сочиненіемъ — Киселю о подражании греческими произведеніями въ живописи и скульптурѣ — Винкельманъ познакомилъ насъ между анжюновъ искусствовъ и лучшими произведеніями новаго и положили начало художественному пониманию древности. Возвращая прозивъ господствовавшаго тогда повсемѣстно снмъ рококо и маньеризма позднѣе изальдмцевъ, онъ (Винкельманъ) заявилъ, что снхъ золько одное путь для худосимика, тмабн отлазъся великимъ — подражаніе древности, т. е., золько снхъ путь, которій троложили Пелль-Анджело, Рафаэль и Пуссенъ. Онъ доказываетъ — и не золько сго доказательство, но и самая мысль била великого новостя, — что Сикстинская мадонна прекрасна именно потому, что въ ней золько великіе контуры, золько благородное спокойствіе и просода, которыми мы удивляемся въ лучшими сраудъ греческими худосимиковъ.

Тмабн образъ болше вниманія на своего книжку, свое первое сочиненіе, Винкельманъ самъ написавъ прозивъ себя возраженіе, похвали самъ снхъ побддоное, но разбилъ своего кризису. Но едва ли снхъ мизко бילו прилагать къ закиму худосимиковъ: книжка и безъ золько говорила сама за себя. Какъ мы уже знаемъ, король и курфюреръ саксонскій, Фридрихъ-Христианъ, возмраднлъ сго за нее зать, что онъ лоль векоръ доелъ, путь своей зрими, Рима. Дрезденъ биль для Винкель-

мама Золько предварительного скупства: переехав в
 казанскую церковь отъ проложивши себя дорогу въ Римъ,
 гдѣ среди величественныхъ развалинъ древняго мира
 отъ наслаждался безпримѣрной личной свободой. Но
 Золько 40-ка смышлява мѣхъ освободился отъ преслѣ-
 дованій судьбы и попалъ на казавшуюся дорогу; Золько
 жьмер отъ, какъ говорится, расцвѣтѣ души и оказалъ,
 съ споспѣшны къ горячей дружбѣ и даже къ любви.
 Отъ были въ отличныя ормониды съ италійца,
 имъ, смилевъ съ ними жакъ, какъ будто отъ здохъ и
 родился, но не забывавъ своихъ соотечественниковъ: когда
 итальянскіе путешественники или художники являлись
 въ Римъ, они находили въ Винченца ормонидо
 проводника, а если было нужно, то и друга. Уже въ 1762
 вышла его знаменитая книга, Geschichte der Kunst des
 Alterthums (Исторія искусства древности), можно ска-
 зать, что единственная книга, жакъ какъ все то, что
 написано имъ до сей, служило подготовленіемъ къ
 ней, а что послѣ — дополненіемъ. Эта книга — пер-
 вое произведеніе художественной исторіи на немец-
 кой языкъ, гдѣ философско-историческое обобщеніе,
 введенное французомъ Монтескье (Charles de Secondat
 Baron de la Brede et Montesquieu, 1689—1755), соедини-
 лось съ огромными эмпирическими, съ многими
 новыя факты, съ гениальной оградкой гегельмаго
 эмпиризма, для котораго еще не было въ виду
 напяримковъ, съ удивительной зоркостью взгляда, воспо-
 мненіемъ созерцаніемъ и съ языкомъ, въ высшей
 степени своеобразнымъ и характернымъ, въ описаніи
 художественныхъ произведеній, въ чужеземно рокомъ,

нонь и поэтически возвышеннонь, — и это произведе-
 ние завершается прекрасной основной мыслью, что
 произведение искусства происходит из произведе-
 ния свободы. По этому знаменитому сочинению за-
 конь и цель всякого искусства есть только красота,
 совершенно отдаленная и независимая от добра.
 Красота же бывает трех родов: 1) красота формы,
 2) красота идеи, выражающаяся во композиции фи-
 гур (относительно пластического искусства), и 3) кра-
 сота выражения, которая возможна только при при-
 судствии первых двух условий; эта красота выра-
 жения есть высшая цель искусства, которая и осу-
 ществлена во всяком искусстве, следовательно чего
 искусство желательнее должно стремиться к подра-
 жанию древнему.

Также понималась красота Лессингом, Гердером,
 поэтом Тёпе и все выдающиеся эстетически Германии
 до Канга, со времени которого ~~он~~ ^{он} начинается новое
 понимание искусства. Эта знаменитая
 книга Винкельмана „Изория искусства во древности“
 до сих пор не потеряла своего значения; на ней осно-
 вано не только в значительной мере наше пони-
 мание красоты, так как в ней, по выражению
 Гердера, заключается историческая метафизика пре-
 красивого, но вообще и самое эстетическое понима-
 ние древности. Но ясности, определенности и простоты
 выражения это одна из лучших книг на свете.

Только благодаря Винкельману филология снова
 стала широко эстетической, увидела свой центр там,
 где во все время греков и сжаралась связностью.

ние писателей со изучением педантисковъ. Но и Римъ,
 желавшъ быть только наиболѣе знаменитымъ гр.,
 гаконъ, козоровъ умѣлъ создать себѣ широко распро-
 сраненное направление зои эпохи. Ужне за три года
 до, мысли о подражаніи (Gedanken über die Nachahmung
 der griechischen Werke in der Malerei und Bildhauerkunst)
 нѣкій французскій аббатъ Languier (Лозисе) безпощадно
 началъ на вырочившій подвѣи сунтъ архитектурѣ и
 оставилъ только греческіе ордены колонны. Архитект.,
 журналъ французска закона направилъ ужне на эту дорогу
 и написала на своемъ знаменомъ проезду, унтерренкооръ,
 сурого подражаніе древнимъ. Нѣмецкіе профессора,
 какъ Эрнестъ въ Лейпцигѣ, Тесснеръ въ Лейпцигѣ
 и Тейзингенъ, ужне гораздо болѣе придавали значенія
 грекамъ; Крнезъ, законъ въ Лейпцигѣ, главный учи-
 зель Лессинга, счизавъ нудимившъ обрацать къ ам-
 зичному искусству, и греческаѣ архезомазид Тесснера
 возворилась въ школахъ рядомъ съ Новымъ Заветомъ.
 Профессоръ Шулце въ Галле въ своихъ лекціяхъ
 имѣлъ ужне обывковеніе положительно сравнивалъ
 грековъ съ римлянами и отдавалъ преимущественно
 первымъ. Въ Берлинѣ былъ ужне законъ учизель, какъ
 ректоръ Дамль, къ козорову отпавилея Винкель,
 ланъ учирея по-гречески. Саксонскія княжескія
 школы законъ начали ужне знакомить своихъ низои.
 зевъ съ греческими классиками. Нѣмецкаѣ поэзія
 извлекала изъ нихъ свою пользу. Козъ греческаѣ сиръ,
 сзмая лирика, главнымъ образомъ, была представлена
 ученикомъ грековъ, Горациемъ, но сзаль днѣшнѣе
 и Анакреонъ; по примѣру Брейзингера, шнѣ Томера

называлось все съ большими и большими постепенями;
 Виландъ и другіе черпали изъ Платона и Кеснофрота
 идеальной образъ Софокла, съ которыми они считали
 свои собственные нравственные идеалы; хоужь еще Ви-
 ландъ чарали своей французин переносить своихъ изъ-
 земель на эллинизированные берега Средиземнаго
 моря и знакомили ихъ съ современниками Перикла,
 если ео греки иногда были больше поклонни на фран-
 цузовъ XVIII вѣка послѣ Вождества Кристова, чѣмъ на
 эллиновъ V столѣтія до Р. Хр., го это такое мало
 вредило, какъ го, когда, напр., Вилкельманъ гордо
 прославлялъ черезъ цуръ издѣлкой скульптуры Адри-
 ановскаго времени съ нѣтъ блестящими поверьями,
 эдими; у грековъ Лукіана съъ еще что-то французское,
 и прелезной замарскій зерракозровый сразу тѣмъ
 иногда кажутся какъ будто выведенными изъ Па-
 риса. Напротивъ, съ эдими родезловъ свдывалась изъ
 вѣзная символика пониманія и возможности, черезъ
 новыхъ грековъ фабрикации Виланда, скорее сблизить
 съ настоящими древними греками. Поэтому то, ко-
 нежно, все дѣлаетъ чужбовалась необходимость разлн,
 чужъ грековъ и французовъ и черпаетъ изъ первоначаль,
 новыхъ перогниковъ аюужной красозы. Элиасъ Шлегель, какъ
 мы знаемъ, вернулся къ Софоклу, не одолжавши однако алексам.
 Дримской трагедіи. Пира, какъ мы хотимъ ввернъ онъ
 зичный хоръ. Клонитозкъ прилнхнхлхъ греческіе раз-
 мѣры сража. Лессингъ рано научился извлекать
 пользу для своихъ комедій изъ „Характеровъ“ Софокла,
 отъ вернуть басню къ Эзопу; отъ хотимъ натсартъ
 жизнь Софокла (Sophokles. Fugals. Ein. Von dem Leben des

данное.

Диффамб. 1760), Лессинга хогзали обрабоухаре стодисерт, дри,
 покухера" и попоробоваре написеаре зрагедино судсбви по ам,
 зичноку тлаву; но первое соимение Вилкельмана
 въ особенносхи побудило его въ изученію андрискаго
 искуствва. Второе, главное и последнее соимение Вил-
 кельмана, Исгорія искуствва древности — огромный до-
 бросовоезной, эпоху дымлаонцій трудъ, и мнѣвній зна-
 чительное, могучее и освободительное влиданіе на раз-
 вивіе въ Германіи зраваиль понидіи объ искустввѣ
 и эстетикѣ, трудъ, мнѣвній могучее и освободитель-
 ное влиданіе на нѣмецкую мотературу и нѣмецкую
 культуру вводине и присоединивіи авзора въ класси-
 ческую писарельнѣ нацин.

„Вилкельманъ — продуктъ зогда уже начинавшого,
 ся коаснополитризма нѣмецкой мысли и науки; онов
 первый „Изонникъ“ новой Германіи и въ зронѣ ожно-
 меніи предисезвенности и угизель „великаго Изонни-
 ка“ Тѣхе. Онов предсвавлаетъ какиль-то виврадокмѣ изъ
 нѣмецкихъ писарелей его времеси; онов каель будто
 еше ранѣше, несели перетиханѣ Албни, бвилѣ ираель,
 амцель, и скорые ираельамцель ввозрожденія, гнѣль
 XVIII вѣка: это упорсезво въ преслѣдованіи цркви, на-
 сройливосез въ вивираиваніи, несобикновенные при-
 ельи для привлекенія вивманія въ своей первой книжон-
 ке, равнодушіе въ религии, горовносез оставилѣ ро-
 динѣ, — все это герзон не нѣмецкід; ззотъ снов нѣмец,
 каго башманника и по наруоисосхи не похозѣ на
 нѣмца: его зонкія насильствивий гудѣ, смѣлвий прѣ-
 мой мось, гудобо внавнѣе глаза скорое прикладносара
 урометиву юга; его преклосетіе передѣ красосой формѣ

и величием проезды скорее напоминают грека
времён Лукьяна, нежели современника поэта,
знаменитого Клоппшода. Вилкельманов и живёт кон,
чуть не по-нашему. Это было как раз зарею
в Триесте, (в 1768г.) одним из итальянцев, который
присвоил его золотыми медалями и несколькими
его драгоценностями.

„Школа“ Лессинга.

Единоличниками, последователями и учени-
ками Лессинга ходят быль преимущественно все
эти берлинские писатели, с которыми Лессинг
во время своего многолетнего пребывания в прус-
ской столице был в сношении и с которыми,
они очень вместе старались к распространению про-
светления. Все они были просветителями, литератор-
ские приверженцы морализирующей специфически
ньютонаской литературы. Это Лессингу самому было
милее среднему, чтобы и немецкой поэзии доставить
обычную естественную действительность, правду, истину,
непосредственную землю и живое: подражание
английской французской трагедии и роману и подроб-
ное описание немецкой французской среды жизни
(английской среды), все это было для эстетической „реализации“
единственного ~~цельно~~ искусства художественного
цельно. Они искали правды (искусства) и природы не,
к сожалению во дикой ^{своей} грубости ^и случайности
обстоятельств жизни и произволом рода обра-
зования и вникший обывай жизни, ислезлившие вполне
во чтение нескольких десятилетий, как „необходимость“
„действительности“ и „правды“ как „предобавление“

1 См. „Вилкельманов“ статья А.И. Георгиевского в „Тропи-
кальце“, т. I.

природы, закон и сдержанности молодого поколения,
нид познать. Сюда принадлежат: Менделсони, Ни,
Колан, Энгель, Фромм-Зонненфрельд и др.

Моисей или Моyses Менделсони (Moses Mendelssohn)

1729+1786.

родился в 1729 г. в Дессау, где его отец был учт.,
земель в еврейской школе. Моyses заучился с
дрозезва в Талмуде и Верлоны Забавы, а особок,
но в сочинениях Маймонидеса, особенно рав.,
вина Моyses Бетв-Майлунга, еврейского ученого, жив.
мало с 1135 до 1204 г. Книга бедного еврейского учт.,
земель озаглавлена на весь мир горбахель. В 1742 г.,
14-году от роду, болотный еврейский мальчик,
полный неспасительного шаймана - утиса, явился в
Берлин, чтобы учиться и притваряется сего дорогу. В то
время еврейская община очень косо смотрела на утиса,
тут своих соменов, которые учили немецкому яз.,
ку; Менделсони пренебрежительно опасается и, опира
в крайней бедности, не только овладеть немецким
литературным языком, но и выучился по-латыни,
а потом по-французски и по-английски. Кроме
новейших языков он больше всего занимался матем.,
матрикой и философией. Утизерон и Локк, а в особенности,
субин Платона считались его любимыми писателями,
высоко ценились он закон Вольфа, Шеррерри и
Руссо. До 21 года Менделсони жертвовал сугубо бед,
нось, в 1750 г. он получил место учителя в доме
одного богатого еврея, фабриканта мелковика издант,
который считался оцетить его учт. и всезнающего и сего,
мать его своим бухгалтером, а потом и учт.,
комм. Фридрих. В 1754 г. Менделсони познакомился

ер Лессингов, который сразу поплыл, как и у Лессинга,
 на виллы скрывается в эрмитаже убогого еврея. В
 1757 г. Менделсону стали прилежными сорудни,
 коими у Библиотеки издаваемых науки Нисколаи (Ni-
 colas des Jours de l'Institut National Nicolas), у Лессинга
 журналы "Литературное" (Literaturzeitung) и у ^{Вестфальской} Библиотеки (Allg. Westf. Bibliothek). Она полюбила
 виллы ер Лессингов и Ф. Т. Ясоби и умерла в 1786 г.
 за поскользко посылать до смерти Фридриха Вели-
 кого, либеральными воззрениями которого считали воз-
 можным существование свободомыслящего еврея.

Когда Менделсону, не прибавившись вступая
 в печать, дали Лессингу для прошения одну из
 своих статей и пожелать спросили его мнения, Лес-
 синг вконец отбоя отдал ему корректуры
 своей. Это были книги "Über die Kunst der
 Philosophie" (1752), в которых Менделс-
 сон защищал философию Лейбница от остроум-
 ных нападок Вольтера Кандида. Позднее Мен-
 делсону и Лессингу иногда работали вместе, напр.,
 у Библиотеки издаваемых науки и "Литературное
 журнал". Лессинг обратил его внимание на издаваемую
 литературу так, что Менделсону занимался долго
 философией искусства и написал ^{о нем} ~~несколько~~ ко-
 вольные взгляды богатыя статьи. По Менделсону
 искусство искусства не красота, а добро. Искусство, по
 ему, есть доведение прекрасного, познаваемого чув-
 ством, к истинному и доброму. Искусство не
искусство есть нравственное совершенство. Самое из-
 востное произведение Менделсона: "Pädagogische Urtheile"

„Die Unstabilität der Seele“ (Фредово, или о безмерности души; Берлин, 1767г.). Форма здесь замечательна из разговора Платона, соединяя по моему названию, но с философией абюра вполне самостоятельна. ^{или, собственно} ^{говорд, это произведе-}

произведений не изобретать доказательств логики, ^{ние Менделеева -}

скими присоединены доказательства психологической, ^{часть свободной}

более убедительной для публики. Философия под ^{расширение диалога}

пером Менделеева, изложенная чрезвычайно удо- ^{за Платона, потому о-}

боподобно, действительна не только на ум, но и на ^{то доводк - при}

сердце. Какъ Лессинга, Менделеева видны ^{на - Платона о без-}

связь между религиею и правоземством. Далее, ^{смерти души раз-}

„Wogaufstehen aus Abfärrigen iver das Dürin ^{выра - изложенны}

Gottes“ (Утренняя часть или истина о существовании ^{по мысли и духу}

Бога, Берлин, 1785г.) — описатель Яероуха и Элеагу, ^{новой филосо-}

похвало души. „Jerusalem oder über die Natur der Kunst ^{фин.}

und Färrigen“ (Иерусалим или о религиозной власти ^{образован-}

и судейства, Берлин, 1783г.) — это Менделеева ^{образован-}

вваея — излагает необходимость свободы совести в ^{образован-}

религиозных вещах — ишло так же, какъ и „Nebst ^{образован-}

Färrigen das fünf Bücher Mose“ (Переводъ „Пятикнижия“ ^{образован-}

или „пяти книгъ Моисея“, Берлин, 1780г.) и „Pal- ^{образован-}

men“ (Переводъ Ксенофонта, 1783г.) благозвучное видение ^{образован-}

на образование евреев.

Только-то подвигая Лессинга, Назанн Нудрин, ^{д?}

какъ Домъ написавъ объ улучшении гражданскаго ^{д?}

положения евреев (1781г.); Менделеева съ своей ^{д?}

стороны также заговорилъ объ этомъ, напоминая ^{д?}

старые обвинения противъ евреев и опровержения ^{д?}

ихъ, опроверга новыя упреки и наконецъ въ своемъ ^{д?}

сочинении „Иерусалимъ, или о религиозной власти ^{д?}

и иудейство" требовала безусловного отделения гоетт, дарсува и церкви. Но отъ не только старался добить-ся лучшаго помолженія для своихъ единоверцевъ, отъ старался также еднлазъ и въ сакива все болъе до, стройными законо помолженія: отъ приобрела болъ, мучо заслугу въ возвышеніи еврейнства; при всей сво, ей скромности отъ болъ на званіи поприцъ мочу, несусветивилья освободивелья; отъ болъне, чинилъ кро, мбо другой, спосаберовала зочну, чинилъ еднлазъ нтъ мезкиль евреви помолжани. На осадлмучо нтъ, мезкую публичку отъ илчиль виднле своили пел, хомогическими изслѣдованіями, а также своили сочиненіями калов "Phädon" и "Morgenstunden", до, казалельсвадил о беземержіи души и сущельсваданіи Бога. Везде отъ показала себя великимъ суммелова, но не мысливелья съ особенной оригинальностью. Въ мучо Назана Лесинль вывелъ нтъкозорвд гер, зы злого своего друга и философа, осадлмачель воритилья трилмичуналь иудейства.

На руссконль азикъ "Предовіи" Менделельсона не, ревелелья въ 1837г. и разобранъ подробно въ М. М. М. Пр. 1838г. Газетъ 17-я. Ст. также "Очерки жизни и сочиненій еврейско-германскаго философа XVIII. столетія М. Менделельсона, соч. рабвина Х. Турлянда, Понява, 1865г.

1733 + 1811.

Христофоръ Николаи (Christoph Friedrich Nicolai)
родилелья въ 1733г. въ Берлинѣ, гдѣ его отецъ былъ книгопродавелья. Поступилъ реальное училище, Христофоръ Николаи отправилелья ^{въ 1749г.} въ Франкфуртъ на Одеръ, чинилъ выучелья книгозорговилья. При зочнѣ отъ прилосилья ревностно занимелья науками.